

**УИЛЬЯМ
ШЕКСПИР**

СОН В
ЛЕТНЮЮ НОЧЬ

Уильям Шекспир

Сон в летнюю ночь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25102062

Аннотация

«Теперь союз наш близок, Иполита!
Четыре дня счастливые пройдут
И приведут с собою новый месяц.
Как тихо убывает старый месяц!
Он медлит совершить мои желанья,
Как медлит мачеха или вдова
Наследника несовершеннолетие
Провозгласить оконченным, дабы
Не потерять наследника доходов...»

Содержание

Действующие лица	4
Акт I	6
Сцена 1	6
Сцена 2	29
Акт II	40
Сцена 1	40
Сцена 2	62
Акт III	76
Сцена 1	76
Сцена 2	97
Акт IV	145
Сцена 1	145
Сцена 2	167
Акт V	171
Сцена 1	171
Сцена 2	207

Уильям Шекспир

Сон в летнюю ночь

Комедия в пяти актах

Действующие лица

Тезей, герцог афинский.

Эгей, отец Гермии.

Лизандер, Деметрий – влюбленные в Гермию.

Филострат, устроитель увеселений при дворе Тезея.

Пигва, плотник.

Бурав, столяр.

Основа, ткач.

Флейта, мастер раздувальных мехов.

Рыло, медник.

Выдра, портной.

Ипполита, царица амазонок, невеста Тезея.

Гермия, дочь Эгея, влюбленная в Лизандера.

Елена, влюбленная в Деметрия.

Оберон, царь эльфов.

Титания, царица эльфов.

Пэк, или Робин, добрый дух, эльф.

**Душистый Горошек, Паутинка, Моль, Горчичное
Зернышко – эльфы.**

Феи и эльфы, покорные Оберону и Титании.

Придворные Тезея и Ипполиты.

Действие происходит в Афинах и в окрестном лесу.

Акт I

Сцена 1

Афины. Комната во дворце Тезея. Входят Тезей, Ипполита, Филострат.

Тезей

Теперь союз наш близок, Ипполита!
Четыре дня счастливые пройдут
И приведут с собою новый месяц.
Как тихо убывает старый месяц!
Он медлит совершить мои желанья,
Как медлит мачеха или вдова
Наследника несовершеннолетие
Провозгласить оконченным, дабы
Не потерять наследника доходов.

Ипполита

Четыре дня в ночах потонут быстро,
И быстро в снах пройдут четыре ночи;
Тогда луна серебряной дугою,
Вновь перегнувшись в темных небесах,
Осветит ночь торжественную нашу.

Тезей

Друг Филострат, ступай и пригласи
Всех юношей афинских поразвлечься.
В них дух живой веселья пробуди.
Для похорон пусть грусть они оставят:
На празднике нет места бледной гостье!

Филострат уходит.

Я овладел тобою, Ипполита!
Моим мечом, враждой я приобрел
Твою любовь; но брак наш совершится
Средь пышности, торжеств и наслаждений.

Входят Эгей, Гермия, Лизандер и Деметрий.

Эгей

Привет тебе, Тезей, наш герцог славный!

Тезей

Благодарю. Что нового, Эгей?

Эгей

Я с жалобой на Гермину мою
Являюсь, исполненный печали.
Приблизься ты, Деметрий. Добрый герцог,
Вот человек, которому в супруги
Я дочь мою уж обещал отдать.
Приблизься ты, Лизандер! Государь,
А этот вот околдовал ей сердце.
Лизандер, да, ты ей писал стихи,
Ты с дочерью моею обменялся
Залогами любви; ты под окном
При месяца сиянье ей певал

Притворно нежным голосом слова,
Дышавшие притворною любовью;
Ты голову вскружил ей разным вздором:
Браслетами из собственных волос,
Колечками, подвесками, сладостями,
Безделками, игрушками, цветами –
Посланниками теми, что всегда
Над юностью неопытной всеильны;
Ты хитростью у дочери моей
Похитил сердце – и повиновенье,
Которым мне обязана она,
Ты изменил в настойчивость, в упрямство.
Мой государь, когда руки и слова
Она не даст Деметрию при нас,
То я прошу вас предоставить мне
Старинное афинянина право:
Ведь дочь – моя, и я ее судьбою
Располагать могу. Пускай она
Здесь изберет Деметрия иль смерть,
Которую при случае подобном
Немедля произносит наш закон.

Тезей

Ну, Гермия, что скажешь? Рассуди:
Тебе отец твой богом должен быть.

Он красоты твоей творец, – пред ним
Ты то же, что фигура восковая,
Которая им вылита. Имеет
Он право полное – и уничтожить,
И довершить создание свое.
Дементрий ведь достойный человек.

Гермия

Не то же ль и Лизандер?

Тезей

Это правда;
Но так как он родителя согласья
На ваш союз лишен, то ты должна
Предпочитать Дементрия.

Гермия

О, если б

Мои глаза отцу могла я дать,
Чтоб он глядел, как я!

Тезей

Скорее ты
Должна глядеть его благоразумьем.

Гермия

Я вас прошу: простите, государь!
Не знаю я, откуда эта смелость.
И, может быть, я скромность оскорблю,
Что чувствую, высказывая здесь;
Но я молю сказать мне вашу светлость,
Какое наказание ждет меня,
Коль я женой Деметрия не стану?

Тезей

От общества навеки отлученье

Иль смерть себе тогда ты изберешь.
Итак, изведай, Гермия, себя;
Подумай, как ты молода, пылка;
Подумай и о том, что если ты
Откажешься отцу повиноваться,
То ты должна монахиною стать,
Чтобы в монастыре замуроваться
И навсегда бесплодною остаться
И гимны петь к бесчувственной луне.
Те трижды счастливы, в ком столько силы,
Чтоб, обуздав себя, свершить спокойно
Путь девственный; но роза на земле
Счастливее, когда она цветет
И не таит свое благоуханье;
Счастливее, поверь мне, розы той,
Которая на стебле тихо вянет,
Растет, живет и принимает смерть –
И все одна, все в одинокой доле.

Гермия

Так я расти, и жить, и умереть
Хочу одна, скорей чем соглашуся
Я девственность мою отдать тому,
Чью власть душа всей силой отвергает.

Тезей

Подумай хорошенько; но когда
Настанет новолунье – в этот день
Соединюсь навек я с Ипполитой –
Тогда и ты готова быть должна
Иль умереть за неповиновенье,
Иль сделать то, что хочет твой отец,
Иль принести на алтаре Дианы
Святой обет провести всю жизнь свою
И строгою, и одинокой девой.

Деметрий

О, согласишься же, Гермия! Лизандер,
Отбрось свои пустые притязанья!
Ты должен уступить моим правам
Непререкаемым.

Лизандер

Любовь отца
Ты приобрел, Деметрий, так оставь же
Мне Гермия, а сам – возьми его.

Эгей

О, дерзкий! Да, любовь мою
Владеет он – и все, что в ней мое,
Моя любовь отдаст ему навеки.
Ведь дочь – моя, и все мои права
Над нею я Деметрию вручаю.

Лизандер

Но, государь, не так же ли, как он,
И я богат и знаменит рождением?
Моя любовь сильнее его любви,
Богатством и почетом среди людей
Деметрию я равен; может быть,
Деметрия я превышаю даже;
А сверх того, чем может он хвалиться?
Я Гермией прекрасною любим:
Зачем же я права мои оставляю?
Деметрий... Да, я объявлю при нем:

Он дочери Недара предложил
Свою любовь; с тех пор душой Елены
Он овладел, и добрая Елена
Ему вполне, всем сердцем предана;
Боготворит неверного она.

Тезей

Признаюсь я, дошли такие ж слухи
И до меня, и я намеревался
С Деметрием об этом говорить;
Но позабыл: в ту пору был я сильно
Важнейшими делами озабочен.
Иди за мной, Эгей, и ты, Деметрий,
Иди за мной: мне нужно вам обоим
Дать несколько особых наставлений.
Ты, Гермия, прекрасная, готовься
Согласовать желания свои
С желанием родителя; иначе
Закон Афин, который изменить
Не можем мы, произнесет свой суд
И обречет тебя на заточенье
Или на смерть. Пойдем же, Ипполита!
Что, милая, как чувствуешь себя?
Деметрий и Эгей, за мной идите:
Я должен к вашей помощи прибегнуть,

Чтоб нужное все изготовить к свадьбе.
Поговорим мы также кой о чем,
Что собственно касается до вас.

Эгей

Мы следуем по долгу и желанью.

Тезей, Ипполита, Эгей, Деметрий и свита уходят.

Лизандер

Но что с тобой, друг милый? Отчего
Ты так бледна, и помертвели розы
Твоих ланит?

Гермия

Конечно, оттого,
Что нет дождя; но буря глаз моих
Легко заменит этот недостаток.

Лизандер

Ни разу не случилось мне прочесть
Иль услышать в истории, в рассказе,
Чтоб где-нибудь путь истинной любви
Был совершен спокойно. Иногда
Он возмущен различием рождений...

Гермия

Несчастье, когда высокий родом
Влюбляется в простую деву!

Лизандер

Иногда
Различьем лет...

Гермия

Какое наказание,
Когда скуют со старостию юность!

Лизандер

А иногда спокойствие зависит
От выбора родных...

Гермия

О, это ад.
Когда должны мы выбирать не сами
Предмет любви!

Лизандер

А если выбор их
С влечением душ любящих согласен,
Тогда война, болезни или смерть
Их счастью уж верно помешают.
Итак, любовь мгновенна будто звук,
Кратка как сон, как призрак преходяща;
Как молния среди глубокой ночи,
Она быстра – блеснет и озарит
Пред взорами и небеса и землю,
Но прежде чем успеет человек
Сказать: «смотри!», уж снова бездны мрака
Все поглотят. Так быстро на земле
Все светлое в хаосе исчезает!

Гермия

Но ежели для истинной любви
Страдание всегда необходимо,
То, видно, уж таков закон судьбы.
Научимся сносить его с терпеньем;
Страдания нельзя нам избежать:
Оно принадлежит любви, как вздохи,
Мечты и сны, желания и слезы,
Всегдашние товарищи влюбленных!

Лизандер

Прекрасна эта вера; а теперь
Скажу я вот что: у меня есть тетка, –
Богатая бездетная вдова.
Она живет отсюда милях в трех,
И ею я любим как сын родной.
Там, Гермия, мы можем обвенчаться,
Закон Афин там не настигнет нас.
Когда меня ты любишь, завтра ночью
Тихонько дом родительский оставь,
И там, в лесу, который только в миле
От города, где встретил я тебя
С Еленою однажды майским утром,
Когда вы с ней обряды совершали,
Я буду ждать.

Гермия

О, добрый мой Лизандер,
Клянусь крепчайшим луком Купидона
И лучшей, золотой, его стрелой,
И кротостью Венериных голубок,
Клянуся тем, что связывает души

И делает счастливою любовь,
Клянусь огнем, который жег Дидону,
Когда троянец лживый уплывал,
Клянусь тебе, Лизандер, всюю тьмою
Мужчинами нарушенных обетов,
Которые уж верно превзойдут
Своим числом все женские обеты,
Я буду там, где ты назначил мне!

Лизандер

О, милый друг, сдержи же обещанье!
Смотри, сюда Елена к нам идет.

Входит Елена.

Гермия

Будь счастлива, прекрасная Елена!
Куда идешь?

Елена

Прекрасная? Увы!
Возьми назад скорей твое название!
О, красоту твою Деметрий любит,
Счастливая! Да, для него горят
Твои глаза полярною звездою,
И голос твой приятный для него
Отраднее, чем жаворонка пенье
Для пастуха, когда кругом поля
Зеленою пшеницею покрыты,
А посреди боярышник в цвету.
Прилипчивы болезни, – для чего бы
И красоте прилипчивой не быть?
Пока я здесь, могла б я заразиться,
О Гермия прекрасная, тобой!
Мой жадный слух заполнил бы твой голос
Мои глаза усвоили б твой взор;
Мои слова прониклись бы, быть может,
Мелодией твоих сладчайших слов;
Когда б весь свет моим был достояньем,
Деметрия себе оставив, мир
Я б отдала, чтоб только быть тобою.
О, научи меня глядеть, как ты!
Скажи, каким ты способом владеешь
Деметрием и мыслями его?

Гермия

Я хмурюся, а он меня все любит.

Елена

О, если б обаятельна была,
Как хмуренье твое, моя улыбка!

Гермия

Я с ним бранюсь, а он мне говорит
Слова любви.

Елена

Когда б мои молитвы

Могли любовь в нем так же пробудить!

Гермия

И чем сильней его я ненавижу,
Тем он сильней преследует меня.

Елена

Меня же он тем больше ненавидит,
Чем более я предаюсь ему.

Гермия

В его безумстве я не виновата.

Елена

Нет, красота твоя виновна в том.
О, если б и моя так провинилась!

Гермия

Утешься, он меня уж не увидит:
Решила я с Лизандером бежать.
До той поры, пока я не видала
Лизандера, Афины были рай!
Теперь мой рай, увы, преобразился
В жестокий ад могуществом любви!

Лизандер

Елена, мы откроем наши души
Перед тобою. Завтра ночью мы,
Когда луна свой образ серебристый
На лоне вод зеркальных отразит
И уберет все травки влажным перлом,
В тот самый час, который укрывает
В своей тиши любовников побег,
Решилися Афины мы оставить.

Гермия

И в том лесу, в котором мы с тобою
Так часто, отдыхая на цветах,
Свои мечты друг другу изливали,
Сойдуся я с Лизандером моим;
Там от Афин мы взоры отвратим,
Чтоб вновь друзей искать в стране чужой.
Прощай, моя подруга; помолися
За нас двоих. Пусть счастье вручит
Твоей любви Деметрия! Лизандер,
Не позабудь обещанное слово:
До завтрашней полуночи должны
Лишить себя мы сладкого свиданья,
Которое – как пицца для влюбленных!

Уходит.

Лизандер

Я буду там. Прощайте же, Елена.
Пускай Деметрий вам принадлежит,
Как вы ему теперь принадлежите.

Уходит.

Елена

Как счастье неровно в этом мире!
Красавицей такой же, как она,
В Афинах я слыву; но что в том пользы?
Деметрий думает не так: не хочет
Признать меня, чем признана я всеми.
Но, кажется, мы оба в заблужденье:
Он в Гермю влюбился до безумья,
А я в его достоинства. Так что ж?
Ведь для любви все низкое, пустое
В достойное легко пересоздать:
Любовь душой, а не глазами смотрит.
И оттого крылатый Купидон
Представлен нам слепым и безрассудным.
Быть с крыльями и быть лишенным глаз –
Поспешности несмысленной эмблема!
Любовь зовут ребенком оттого,
Что в выборе своем она нередко
Обманута бывает, как дитя.
Видала я, как ветреные дети
Среди игры друг другу обещаний
Вдруг надают и вдруг изменяют им.
Дитя-любовь, как и другие дети,
При случае готова взять назад

Все данные недавно обещаю.
Пока еще Деметрий не видал
Глаз Гермии, он градом кляв мне клялся,
Что он одной лишь мне принадлежит;
Но этот град пред Гермией растаял
И клятвенным дождем на землю пал.
Я Гермии побег ему открою:
Уж верно в ночь преследовать ее
Он пустится, и если благодарность
Я от него за это получу,
То дорого достанется она мне!
Да, там его увидеть и потом
В Афины вновь печально возвратиться –
Достаточно награды этой мне!

Уходит.

Сцена 2

Афины. Комната в хижине. Входят Основа, Бурав, Флейта, Рыло, Пигва и Выдра.

Пигва

Вся ли наша компания здесь?

Основа

Лучше бы сделать переключку, вызывая одного за другим в том порядке, как мы записаны.

Пигва

Вот список имен всех тех людей, которые признаны способными и избраны из всех афинян, чтобы исполнить нашу интермедию перед герцогом и герцогинею вечером после свадьбы.

Основа

Во-первых, любезный Питер Пигва, скажи нам, в чем состоит наша пьеса? Потом прочти имена актеров. Приступай к делу.

Пигва

Ладно! Наша пьеса – «Прежалостная комедия о жесточайшей смерти Пирама и Тисбы».

Основа

Славная штука, уверяю вас, превеселая! Теперь, любезный Питер Пигва, выкликай наших актеров по списку. Братцы, стройтесь в линию.

Пигва

Откликайтесь по вызову. Ник Основа, ткач!

Основа

Налицо! Назначь мне роль в пьесе и продолжай.

Пигва

Ты, Ник Основа, возьмешь на себя роль Пирама.

Основа

Что такое Пирам? Любовник или тиран?

Пигва

Любовник, который преблагородно убивает себя из-за любви.

Основа

Надо будет пролить несколько слез, чтобы исполнить эту роль как следует. Если я буду играть эту роль, то берегите ваши глаза, господа слушатели! Я подниму

бурю, я буду изрядно стонать! Ну, переходи к другим! Однако по моему характеру мне бы больше подошла роль тирана: я бы отменно сыграл роль Еркулеса или роль, в которой бы пришлось бесноваться и все посылатъ к черту.

(Декламирует.)

С трепетом, с треском утесы, толкаясь,
Тюрьмы уничтожат запоры!
А Фиб, в колеснице своей приближаясь,
Судьбы изменит приговоры!

Вот это – красота! Ну, выкликай остальных актеров. Это совершенно в духе Еркулеса, в духе тирана, – любовники говорят плаксивее.

Пигва

Фрэнсис Флейта, мастер раздувальных мехов.

Флейта

Здесь, Питер Пигва.

Пигва

Ты должен взять на себя роль Тисбы.

Флейта

Что такое Тисба? Странствующий рыцарь?

Пигва

Это дама, в которую влюблен Пирам.

Флейта

Нет, черт возьми, я не хочу играть женскую роль: у меня уже пробивается борода.

Пигва

Это ничего не значит. Ты будешь играть эту роль в маске и говорить таким тоненьким голоском, каким

только сумеешь.

Основа

Если можно спрятать лицо под маску, то дайте мне роль Тисбы. Я буду говорить чертовски тоненьким голоском: «Тисба, Тисба! – Ах, Пирам, мой дорогой, мой возлюбленный! – Твоя дорогая Тисба, твоя дорогая возлюбленная!»

Пигва

Нет, нет! Ты должен играть роль Пирама, а ты, Флейта, Тисбы.

Основа

Хорошо. Продолжай.

Пигва

Робин Выдра, портной.

Выдра

Здесь, Питер Пигва.

Пигва

Робин Выдра, ты получишь роль матери Тисбы. –
Томас Рыло, медник!

Рыло

Здесь, Питер Пигва.

Пигва

Тебе – роль отца Пирама. Сам я буду играть отца
Тисбы. Бурав, столяр, ты будешь изображать льва. Ну,
кажется, теперь все роли розданы.

Бурав

Написана ли у тебя роль льва? Пожалуйста, если она

написана, дай мне ее, а то я очень туго заучиваю.

Пигва

Да нет же, ты будешь просто импровизировать: тебе придется только рычать.

Основа

Позволь мне взять роль льва. Я так буду рычать, что всем слушателям любо будет меня слушать. Я так зарычу, что герцог скажет: «Пусть порычит еще, пусть порычит еще!»

Пигва

Если ты будешь рычать слишком страшно, то напугаешь герцогиню и дам: ты станешь рычать, а они – визжать. А этого достаточно, чтобы нас повесили.

Все

Да, этого достаточно, чтобы всех нас повесили!

Основа

Я согласен с вами, друзья, что если мы испугаем дам до того, что они лишатся чувств, то, пожалуй, они могут приказать нас повесить; я попридержу свой голос и буду рычать, как нежная голубка, я буду рычать вроде как соловей.

Пигва

Тебе нельзя играть другой роли, кроме Пирама. Для Пирама нужен человек с приятной наружностью, красивый мужчина, какого только можно себе представить, в расцвете сил. Для этой роли нужен человек с самой изящной и благородной наружностью. Поэтому ты непременно должен играть роль Пирама.

Основа

Ладно уж, возьму это на себя. Какую бороду лучше выбрать для моей роли?

Пигва

Какую хочешь.

Основа

Я привяжу себе бороду или соломенного цвета, или густо-оранжевую, или пурпурно-малиновую, или ярко-желтую, французского оттенка.

Пигва

Французские головы часто бывают совсем лысы, а потому тебе пришлось бы играть совсем без бороды. Однако, друзья, вот ваши роли. Я требую, умоляю и покорнейше прошу вас выучить их к завтрашнему вечеру. Мы соберемся все в герцогском лесу, который всего в миле от города, и там, при лунном свете, сделаем репетицию. Если мы соберемся в городе, то толпа побежит за нами и разболтает о наших намерениях. А пока что я составлю список некоторых вещей, необходимых для нашего представления. Прошу вас, не обманите меня: приходите.

Основа

Будем непременно. Там можно будет вольготно, на славу поупражняться. Постарайтесь, друзья! Не опаздывайте! Прощайте!

Пигва

Мы соберемся у герцогова дуба.

Основа

Ладно! Провалиться нам, если не придем!

Все уходят.

АКТ II

Сцена 1

Лес в окрестностях Афин. Входят с одной стороны фея, с другой Пэк.

Пэк

Что нового? Куда несешься, эльфа?

Фея

Над горами, над долами,
Сквозь лесную глубину,
Над оградой, над стенами,
Сквозь огонь и сквозь волну –
Мне повсюду путь нетрудный.
Я ношусь быстрее луны,
Я служу царице чудной
В час полночной тишины!

Я волшебные кружочки
Поливаю для нее.
Видишь буквиц на лужочке?
То питомицы ее;
Видишь пятна расписные
На одеждах их золотых?
То рубины дорогие,
Дар волшебниц молодых.
В них тайник благоуханья,
В них вся роскошь их красы.
Я спешу для собиранья
Капель утренней росы;
Я повесить в серединке
Каждой буквицы хочу
По жемчужинке-росинке.
Ну, прощай же, я лечу!
Скоро праздник здесь начнется
Для царицы молодой,
И с царицей принесется
Легких эльфов целый рой!

Пэк

И у царя здесь праздник нынче ночью.
Царицу ты свою предупреди,
Чтобы отнюдь она с ним не встречалась:

Он на нее до крайности сердит
За то, что есть у ней прелестный мальчик,
Похищенный недавно у царя
Индийского. Царица не имела
Прелестнее ребенка никогда.
Наш Оберон завистливый желает
Его во что б ни стало в свиту взять,
Чтоб обегать с ним вместе глушь лесную;
А между тем ребенка дорогого
Не хочется царице уступить.
Она его цветами убирает
И в нем одном всю радость полагает.
Теперь, когда встречаются они
Или в лесу, иль на траве зеленой,
Иль у ручья, при блеске чудных звезд,
То ссориться так сильно начинают,
Что эльфы все от страха убегают
И прячутся, бедняжки, поскорей
Под чашечки упавших желудей.

Фея

Наружностью твоей и обращеньем,
Быть может, и обманываюсь я,
Но, кажется, ты точно дух лукавый.
По имени Робин, иль Добрый Друг.

Не ты ль девиц пугаешь деревенских?
То сливочки снимаешь с молока,
То мельницы ручные их ломаешь,
То не даешь хозяйке масло сбить,
То не даешь закиснуть их напиткам?
Не ты ль с пути сбиваешь пешеходов
И тешишься их страхом и досадой?
Но кто тебя зовет любезным Пэком,
Тем счастье приносишь ты с собой,
И сам за них работы исполняешь.
Не ты ли Пэк?

Пэк

И вправду, ты узнала:
Я точно тот веселый дух ночей
И вместе шут придворный Оберона.
Нередко он смеется надо мной,
Когда начну я ржать, как кобылица,
И голосом обманывать коня,
Который жир себе наел бобами.
Я иногда, резвяся, принимаю
Вид яблока печеного, и с ним
Я к кумушке тихонько прячусь в чашку;
И только лишь кума начнет хлебать,
Я в губы ей толкаюсь и пьем

Морщинистую шею обливаю.
А иногда для тетушки степенной,
Когда она рассказывать начнет
Историю, исполненную слез,
Я, сделавшись трехногим, гладким стулом,
Из-под нее выскакиваю вон –
И тетушка летит в припадке кашля,
И целый хор, поджав себе бока,
Хохочет, и чихает, и клянется,
Что никогда не веселился он
Так истинно, как в этот час паденья.
Тс! Оберон, мой царь, сюда идет!

Фея

А вот моя царица! Хорошо бы,
Когда б твой царь ушел скорей отсюда.

Входят Оберон со свитой с одной стороны, а Титания со своей свитой – с другой.

Оберон

Зачем я здесь, при месячном сиянье,

Надменную Титанию встречаю?

Титания

А, это ты, ревнивец Оберон!
Идемте, эльфы: я ведь поклялась
С ним не делить ни общества, ни ложа.

Оберон

Остановись, преступная жена:
Не я ль твой муж?

Титания

А я тебе жена!
О, знаю я, ты часто покидаешь
Исподтишка волшебную страну
И в образе влюбленного Коринна
Проводишь дни, с свирелию в руках,
У ног своей возлюбленной Филлиды

И ей поешь любовь свою в стихах!
Ты почему из дальних стран индийских
Сюда пришел? Уж верно потому,
Что с дерзкою, в сапожках, амазонкой,
С воинственной любимицей твоей,
Готовится Тезей соединиться
И ложу их ты хочешь даровать
И счастье, и радость без конца.

Оберон

Титания, тебе ли упрекать
За то, что я привязан к Ипполите?
Известна мне к Тезею страсть твоя:
При бледном звезд сиянии, не ты ли
Похитила его у Перигены,
Которую он обольстил? Не ты ль
Заставила его забыть все клятвы,
Которые давал он Ариадне,
Аглае и прекрасной Антиопе?

Титания

Ты в ревности все это изобрел.

Как перешло за половину лето,
Ни разу нам собраться не случилось
В лесу, в лугах, в долине, на горе,
Иль при ручье, поросшем тростниками,
Иль на краю приморских берегов,
Чтобы плясать под свист и говор ветра
И составлять кружочки, без того,
Чтоб ты своим неугомонным криком
Не помешал веселью наших игр.
И ветры, нам как будто бы в отместку
За то, что тщетно песни нам поют,
Все принялись высасывать из моря
Зловредные туманы и пары,
Туманами покрыли все равнины
И вздули так ничтожные речонки,
Что их сдержать не могут берега.
С тех пор, как мы поссорились с тобою,
Напрасно вол впрягается в ярмо,
Напрасно труд свой тратит земледелец:
Зеленая пшеница вся сгнила,
Хотя еще пушком не покрывалась;
От падежа вороны разжирели,
И на полях затопленных стоят
Забывтые, пустынные загоны;
Ил заволок следы веселых игр,
И на лугу играющих не видно.
С тех пор зима людей не услаждает,
И пения не слышно по ночам.
Зато луна, властительница вод,

Вся бледная от гнева, напоила
Туманами и сыростью весь воздух
И насморки в избытке зародила.
Все времена с тех пор перемешались:
То падает белоголовый иней
В объятия расцветшей пышно розы;
То, будто бы в насмешку, лето вьет
Гирлянды из распуколок и ими
Чело зимы, увенчанное льдом,
И бороду старушки украшает.
Суровая зима, весна, и лето,
И осень плодovitая меняют
Обычные ливреи меж собой;
Не узнает времен мир удивленный –
И это все наделал наш раздор,
И мы всему причина и начало!

Оберон

Исправить все зависит от тебя.
Титания, зачем противоречить?
Я лишь прошу мне уступить ребенка
В мои пажи.

Титания

Ты можешь быть покоен –
Я всей страны волшебной не возьму
За этого ребенка. Мать его
Была моею жрицей. Сколько раз
Во тьме ночей индийских, ароматных,
Она моей сопутницей бывала!
На золотых Нептуновых песках
Любили мы сидеть и наблюдать,
Как по волнам купеческие судна
Несутся вдаль. О, как смеялись мы,
Любуясь, как ветер шаловливый
Их паруса натягивал – и те
Вздувались вдруг огромным животом!
Тогда моя несчастная подруга
Беременна была моим пажом
И с ловкостью, бывало, подражала,
По воздуху летая, парусам,
Беременным от ветра. Над землею,
Как по волнам, наплававшись, она
Неслась назад с какой-нибудь безделкой
И мне ее вручала, говоря,
Что наш корабль с своим богатым грузом
Пришел назад из дальнего пути.
Но смертная была моя подруга

И умерла, доставив сыну жизнь.
Любя ее, я сына воспитаю;
Любя ее, я не расстанусь с ним.

Оберон

Ты долго здесь намерена остаться?

Титания

Я, может быть, пробуду здесь день свадьбы.
Не хочешь ли спокойно поплясать
Средь наших хороводов иль взглянуть
На праздник наш, при месячном сиянье?
Пойдем, не то – оставь нас: обойдемся
И без тебя.

Оберон

Ребенка мне отдай –
И я готов тогда идти с тобою.

Титания

За все твои владенья не отдам!
Пока я здесь, мы ссориться лишь будем.
Пойдемте, эльфы, прочь скорей отсюда!

Титания и ее свита уходят.

Оберон

Ну хорошо, иди своим путем.
Но я тебя не выпущу из леса,
Пока своих обид не отомщу.
Мой милый Пэк, поди сюда скорее!
Ты помнишь ли, однажды там сидел
Я на мысу и слушал, как сирена,
Несомая дельфином на хребте,
Так хорошо, так сладко распевала,
Что песнь ее смирила ярость волн.
И звездочки со сфер своих сбегали,
Чтоб музыку сирены услышать?

Пэк

Да, помню.

Оберон

И в то самое мгновенье
Я увидал, – хоть видеть ты не мог, –
Что Купидон летел вооруженный
Меж хладною луною и землей
И целился в прекрасную весталку,
Которая на Западе царит.
Вдруг он в нее пустил стрелу из лука
С такою силой, словно был намерен
Он не одно, а тысяч сто сердец
Пронзить одной пылающей стрелою.
И что ж? Стрела, попавши в хладный месяц,
Потухла там от девственных лучей.
И видел я, как царственная дева
Свободная пошла своим путем
И в чистые вновь погрузилась думы.
Однако я заметил, что стрела
На западный цветок, кружась, упала.
Он прежде был так бел, как молоко,

Но, раненный любовью, от раны
Он сделался пурпурным. Все девицы
«Любовью в праздности» его зовут.
Поди, найди цветочек – я тебе
Его траву показывал однажды.
Чьих век, смеженных сладким сновиденьем,
Коснется сок, добытый из него,
Тот влюбится, проснувшись, до безумья
В то первое живое существо,
Которое глазам его предстанет.
Поди, найди растение и опять
Явись сюда скорее, чем успеет
Левиафан проплыть не больше мили.

Пэк

Достаточно мне сорока минут,
Чтобы кругом всю землю опоясать.

Уходит.

Оберон

С моим цветком волшебным подкрадусь
К Титании, когда она уснет,

И ей в глаза пуцу немного соку.
Он сделает, что первый, кто предстанет
Ее глазам – будь он медведь, иль лев,
Иль волк, иль бык, иль хитрая мартышка –
Тому она предастся всей душой.
И прежде, чем с нее сниму я чары –
Что сделать я могу другой травой –
Мне своего пажа она уступит.
Но кто идет сюда? Я невидим:
Подслушаю, что будут говорить.

Входит Деметрий, за ним Елена.

Деметрий

Оставь меня – я не люблю тебя!
Где ж Гермия прекрасная с Лизандром?
Убью его, – почти убит я ею!
Они в лесу укрылись, ты сказала, –
И вот я здесь, и я взбешен жестоко,
Что Гермии не встретил! Прочь, оставь!
И перестань преследовать меня.

Елена

Ты сам своим магнитным, жестким сердцем
Меня влечешь. Не полагай, однако,
Что привлекаешь ты к себе железо:
Нет, сердцем я, поверь, верна как сталь!
Лишись ты силы привлекать, и я
К тебе стремиться силы вдруг лишуся.

Дементрий

Я ль льстил тебе? Я ль был с тобою ласков?
Напротив, я признался откровенно,
Что не люблю тебя и не могу
Тебя любить.

Елена

За это я сильнее
Тебя люблю. Дементрий, я собачка,
Которую, чем более ты бьешь,
Тем больше ластится к тебе покорно.
Да, обходись со мною, как с собачкой:
Толкай меня ногами, бей меня,
Не обращай вниманья – погуби;
Но как бы я презренна ни была,

Лишь следовать позволь мне за тобою.
В твоей любви могу ль просить я места
Смиреннее того, в котором ты
Не отказал, конечно б, и собаке?
Но счастлива была бы я и тем.

Деметрий

Не возбуждай во мне ты отвращенья.
Когда тебя я вижу – болен я.

Елена

А я больна, когда тебя не вижу.

Деметрий

Ты скромности законы оскорбляешь,
Из города так поздно выходя,
Преследуя того, кем не любима,
И дорогую девственность вверяя

Случайностям пустынной тишины
И прихоти дурных внушений ночи.

Елена

Защитою моею – добродетель
Деметрия. Когда тебя я вижу,
То для меня не существует ночи.
Мне кажется, что ночи нет теперь;
Мне кажется, что толпами людскими
Наполнен лес. В тебе одном весь мир!
Кто ж скажет мне, что я одна в лесу,
Когда весь мир здесь на меня взирает?

Деметрий

Я убегу и спрячусь от тебя
В кустарниках. И ты среди зверей
Останешься одна.

Елена

О, самый дикий
Из всех зверей не так жесток, как ты!
Беги, когда ты хочешь; мы изменим
Природой установленный порядок –
И побежит от Дафны Аполлон,
Голубка устремится за грифоном,
И даже лань смиренная – и та
Удвоит бег, чтобы настигнуть тигра...
Но тщетны все усилья, если слабость
Преследует, а твердость убегает!

Деметрий

Тебя я слушать больше не хочу:
Пусти меня! И если ты со мною
Пойдешь опять, то я тебе клянусь,
Что причину в лесу тебе я горе.

Елена

Увы! Во храме, в городе и в поле
Ты причиняешь горе мне везде!
Деметрий, стыдно! Оскорбив меня,
Весь женский пол ты оскорбил жестоко!
Мы, женщины, не можем, как мужчины,
Оружием завоевать любовь;
Мы созданы, чтоб принимать от вас
Любезности, а не самим за вами
Ухаживать. Я за тобой пойду.
О, я хочу из ада сделать небо,
Принявши смерть от милой мне руки!

Деметрий и Елена уходят.

Оберон

Прощай! Путь добрый, нимфа! Я устрою,
Пока вы здесь, что будешь от него
Ты убегать, а он страдать любовью.

Пэк возвращается.

Оберон

А, здравствуй, Пэк! Достал ли ты цветок?

Пэк

Достал, – вот он.

Оберон

Давай его скорей,
Прошу тебя. Я знаю чудный берег,
Где дикий тмин растет и где цветут,
Качаяся, фиалки возле буквиц.
Над берегом из жимолости темной,
Шиповника и благовонных роз
Как будто там шатер образовался.
В нем иногда, на ложе из цветов,
Титанию в час ночи усыпляет
Своей игрой и пляской эльфов хор,
А пестрый змей с себя снимает шкурку,

Которая довольно широка,
Чтоб эльфа в ней закутать совершенно.
Пойду туда, Титании в глаза,
Во время сна, пущу немного соку –
И в тот же миг чудовищных фантазий
Исполнится ее воображенье.
Возьми и ты цветочек и ступай
Искать в лесу. Афинянку найдешь
Ты там и с ней афинянина: он
Ее любовь упорно отвергает.
Ты юношу узнаешь по одежде.
Натри ему глаза и сделай так,
Чтобы ее он увидал, проснувшись.
Смотри, устрой, чтоб он в нее влюбился
Еще сильнее, чем влюблена она.
Ступай же, Пэк, и будь опять со мною,
Пока еще петух не прокричал.

Пэк

Покоен будь: исполню приказанья.

Уходят.

Сцена 2

Другая часть леса. Входит Титания со свитой.

Титания

Составьте хоровод и пойте песни,
Потом на треть минуты удалитесь:
Ступайте – кто злых гусениц топтать,
Кто воевать с летучими мышами,
Чтобы потом для всех малюток эльфов
Сшить платица из кожаных их крыльев,
Кто отгонять толпы несносных сов,
Которых так малютки удивляют,
Что напролет всю ночь они кричат.
Теперь меня вы песней усыпите,
А там скорей летите исполнять
Свои дела: я отдыхать здесь буду.

Первый эльф (*поет*)

Вы, с раздвоенным жалом змейки,
Припрячьте пестренькие шейки,

А вы, колючие ежи
И долгохвостые ужи,
Царице доброй не вредите
И близко к ней не подходите!

Хор

С нашей песней, Филомела,
Слей мелодию свою.
Баю, баюшки баю!
Баю, баюшки баю!
Чтоб ничто вредить не смело,
Чтоб царица здесь спала,
Не страшась ни чар, ни зла!
Ну, царица, почивай,
Мы поем тебе: «Бай, бай!»

Второй эльф

Не ходите сюда вы, ткачи-пауки.
Долгоногие – прочь удалитесь!
Прочь, улитки, жуки!
Да и вы, червяки,
Сон царицы нарушить страшитесь!

Хор

С нашей песней, Филомела,
Слей мелодию свою.
Баю, баюшки баю!
Баю, баюшки баю!
Чтоб ничто вредить не смело.
Чтоб царица здесь спала,
Не страшась ни чар, ни зла!
Ну, царица, почивай,
Мы поем тебе: «Бай, бай!»

Первый эльф

Прочь улетим: теперь в порядке всё.
Пусть лишь один останется на страже.

Эльфы улетают. Титания засыпает. Входит Оберон.

Оберон (*выжимая цветок на глаза Титании*)

Кого, проснувшись, ты увидишь,
Того всем сердцем обожай,
Люби его, как только можешь,
И от любви к нему страдай!
Будь он медведь, иль вол, иль кошка,
Будь он кабан, иль барс степной –
Пускай тебе вообразится,
Что одарен он красотой!
Лишь только гадкое творенье
Сюда придет, сбрось усыпленье!

Оберон уходит. Входят Лизандер и Гермия.

Лизандер

Прекрасная, ты, верно, утомилась,
Так по лесу блуждая? Ты права:
Мы сбились с дороги. Если хочешь,
Мы, Гермия, здесь можем отдохнуть
И подождать, пока рассвет настанет.

Гермия

Да, отдохнем, Лизандер. Поищи
Себе постель, а я на возвышенье

Прилягу здесь усталой головой.

Лизандер

Подушкой пусть одна и та же кочка
Послужит нам. Одно пусть будет сердце,
Одна – постель. И в нас хоть две души,
Но верность ведь одна на дне обеих.

Гермия

Нет, милый мой, хоть из любви ко мне,
Мой дорогой Лизандер, согласиcя, –
И не ложись так близко.

Лизандер

О, прими
Мои слова в чистейшем их значенье!
Всегда должно любовью понимать
Слова любви. Я говорю, что сердцем

Привязан я так сильно к твоему,
Что в нас двоих одно и то же сердце.
Я говорю, что клятвой две души
В нас скованы так сильно, что хоть точно
В нас две души, но верность в них одна.
Позволь же мне лечь рядом. Верь мне: я,
Ложась с тобой, не осквернюся ложью.

Гермия

Как хорошо играешь ты словами!
Свой нрав и гордость прокляла бы я,
Когда б могла подумать, что ты лжешь;
Но, милый друг, настолько будь любезен
И, из любви ко мне, ложись подальше.
Чтоб скромности людской не оскорбить,
Мне следует с тобою разлучиться.
Меж юношей и девой молодой,
Мой милый друг, прилично расстоянье.
Итак – прощай. Пускай твоя любовь
Лишь с жизнью бесценною иссякнет.

Лизандер

Аминь, аминь, отвечу на молитву.
Пусть жизнь моя окончится тогда,
Когда любить тебя я перестану.
Я лягу здесь. Желаю, чтобы сон
Твои глаза сомкнул успокоеньем.

Гермия

А я хочу, чтоб точно тем же он
Закрыв глаза того, кто мне желает.

Лизандер и Гермия засыпают. Входит Пэк.

Пэк

Я лес кругом весь обошел,
А человека не нашел,
На чьих глазах мой царь желает
Цветочек этот испытать.
Он чудной силой обладает
Любовь мгновенно зарождать.
Ночь, тишина! А, вот невежда!
На нем афинская одежда...
Так это он, должно быть, он,
О ком твердил мне Оберон:

Тот самый, что пренебрегает
Афинской девой. Вот она
Благополучно почивает,
Хотя постель ее грязна.
Бедняжка, лечь она не смела
С своим бесчувственным рядком.
Постой же, я поправлю дело:
Смочу глаза его цветком.
Пусть мой цветок моей рукою
Всю душу в нем настроит вновь,
И с этих пор не даст покою
Его глазам его любовь!
Проснись, когда я удалюся:
Я ж к Оберону тороплюся.

Выжимает цветок на глаза Лизандера и уходит.
Входит Деетрий. Елена бежит за ним.

Елена

Остановись, хотя бы для того,
Чтобы меня убить, о мой Деетрий!

Деметрий

Прочь, и не смей преследовать меня –
Я требую.

Елена

Не хочешь ли ты бросить
Меня одну во тьме? О, не бросай!

Деметрий

Останься здесь, или с тобой случится
Несчастье. Я хочу идти один.

Уходит.

Елена

Я не могу перевести дыхание.
Но тщетно я преследую его:
Чем более его я умоляю,
Тем меньше в нем участия возбуждаю.
Ты ж, Гермия, – ты счастлива везде,
Где б ни была! В твоих глазах есть сила
Притягивать к себе сердца других.
Чем придала она так много блеску
Своим глазам? Быть может, солью слез?
О, если так, то чаще, чем ее,
Мои глаза слезами орошались!
Нет, как медведь собой я безобразна:
Встречаясь со мною, даже звери
Пугаются и от меня бегут.
Не должно же дивиться, что Деметрий
От моего присутствия бежит,
Как будто от чудовища. Какому
Коварному, несчастному стеклу
Я верила, что с Гермией прекрасной
Осмелилась я сравнивать себя!
Кто это здесь? Лизандер на земле!
Он спит иль мертв? Но я не вижу крови,
И раны нет. Лизандер, если вы
Не умерли, проснитесь, ради Бога!

Лизандер (*просыпаясь*)

О, для тебя, прозрачная Елена,
Я сквозь огонь охотно побегу.
Могущество свое теперь являет
Природа тем, что позволяет мне
В твоей груди вполне увидеть сердце.
Деметрий! Где он? Гадко это имя!
Как хорошо оно тому пристало,
Кто должен пасть от моего меча!

Елена

Лизандер, нет, не говорите так.
Что нужды вам, что Гермию он любит?
О Боже мой, у Гермии в душе
Одни лишь вы: так будьте же довольны!

Лизандер

Довольным быть! Кем – Гермией? О, нет!

Раскаялся я в скучных тех минутах,
Которые я с нею потерял!
Не Гермию люблю я, а Елену.
Кто ж ворона на голубя сменить
Не пожелает? Волей человека
Владеет ум, а ум мне говорит,
Что ты из всех достойнейшая дева,
Как всякий плод до зрелости доходит
В известное лишь время, так и я
До сей поры был юношей незрелым.
Мой ум достиг теперь лишь до сознанья
И, управляя волею моей,
Привел меня к глазам твоим, Елена:
В твоих глазах, как в книге, мне открытой,
Читаю я рассказы про любовь.

Елена

За что меня избрали вы предметом
Насмешек злых? Чем заслужила я
Презрение от вас? О, не довольно ль,
Не слишком ли довольно и того,
Что заслужить я не могла и взгляда
Приветного от милого ничем?
Нет, мало вам – и над моим бессильем
Смеетесь вы. Поверьте мне, Лизандер:

Презрительно приветствуя меня,
Не хорошо вы сделали. Прощайте.
Но, признаюсь, я больше ожидала
Участия в вас встретить. Неужели,
Когда одним мужчиною девица
Отвергнута, то должен оскорблять
Ее другой?

Уходит.

Лизандер

Елена не видала
Здесь Гермию! Спи, Гермия! Отныне
Ко мне не приближайся! Как желудок,
Пресытившись одним лишь сладким яством,
Потом к нему питает отвращенье;
Как ереси, особенно для тех,
Которые в них долго заблуждались,
Становятся глубоко ненавистны, –
Так Гермия, как ересь иль как яство,
В излишестве, будь ненавистна всем.
Особенно ж будь ненавистна мне!
Я с этих пор все силы посвящаю
Любви моей к Елене и ее
Могуществу. Ей буду я слугою!

Уходит.

Гермия (*просыпаясь*)

О, помоги, Лизандер, помоги!
Сорви змею с груди моей скорее!
О, сжался! Ах, какой тяжелый сон!
Смотри, я вся еще дрожу от страха.
Мне снилось, что будто бы змея
Ужасная мне сердце пожирала
И что, смеясь, спокойно ты смотрел
И на змею, и на мои страдания.
Лизандер! Как, ушел? Меня не слышит?
Лизандер! Как, ни звука нет, ни слова!
Увы! Где ты? О, говори со мной,
О, говори, молю тебя любовью!
Я чувств почти лишилася от страха.
Нет, видно, ты далеко от меня!
Тебя иль смерть сейчас же отыщу я!

Убегает.

АКТ III

Сцена 1

Та же часть леса.

Титания спит. Входят Пигва, Бурав, Основа, Флейта, Рыло и Выдра.

Основа

Все ли мы собрались?

Пигва

Все, не сомневайтесь. Да, здесь самое подходящее место для нашей репетиции. Эта зеленая лужайка будет нашей сценой, этот куст боярышника – нашей уборной, и мы разыграем нашу пьесу точь-в-точь как перед герцогом.

Основа

Питер Пигва!

Пигва

Что тебе, милейший Основа?

Основа

Есть вещи в этой комедии о Пираме и Тисбе, которые не могут никому нравиться. Во-первых, Пирам должен обнажить меч, чтобы убить себя – этого дамы не смогут вынести. Что ты на это скажешь?

Рыло

Клянусь, это в самом деле опасно.

Выдра

Я полагаю, что, когда дело пойдет к концу, убийство

можно и выпустить.

Основа

Нет, я знаю, как все уладить. Напишите мне пролог, и пусть в этом прологе будет сказано, что мы вовсе не хотим душегубствовать своими мечами, и что Пирам на деле вовсе не убьет себя. А чтобы в этом не осталось сомнения, скажите им, что я вовсе не Пирам, а просто Ник Основа, ткач: это разгонит всякий страх.

Пигва

Хорошо, у нас будет такой пролог, и мы напишем его восьмисложными и шестисложными стихами.

Основа

Нет, накинь еще два слова: пусть уж будет весь восьмисложный.

Рыло

Не испугаются ли дамы льва?

Выдра

Право, я побаиваюсь этого.

Основа

Вы должны, братцы, хорошенько это обдумать. Привести – боже упаси – льва туда, где находятся дамы! Это ужаснейшее дело! Из всех диких зверей нет никого страшнее льва, живого льва, – заметьте это себе.

Рыло

Надо будет в другом прологе сказать, что это не лев.

Основа

Нет, надо, чтобы актер назвал себя по имени и из-

под шею льва высунул до половины свое лицо. При этом он может сказать что-нибудь в таком роде: «Сударыни», или: «Прекрасные дамы, я бы желал», или: «Я прошу вас», или: «Я умоляю вас – не пугайтесь, не трепещите: я ручаюсь моей жизнью за ваши жизни. Если вы думаете, что я лев, то я пропал! Нет, я совсем не лев: я такой же человек, как и другие люди». При этом, кстати, пусть актер назовет себя по имени: пусть он скажет, что он просто Бурав, столяр.

Пигва

Хорошо, пусть будет так. Но есть еще две трудности: первая – как провести в залу лунный свет? Вы знаете, что Пирам и Тисба разговаривают при лунном свете.

Бурав

Будет ли светить луна в ночь нашего представления?

Основа

Календарь! Календарь! Посмотрите в календарь! Сыщите лунный свет! Сыщите лунный свет!

Пигва

Да, в эту ночь луна будет светить.

Основа

Если так, то стоит только в зале, где мы будем играть, оставить окно открытым – и луна сама будет светить в окно.

Пигва

Да. А не то пусть кто-нибудь придет с пучком терновника и с фонарем и скажет, что он пришел подражать луне или представлять лунный свет. Но есть еще другое затруднение: нам нужна будет стена в зале, ибо Пирам и Тисба, как гласит история, разговаривали через щель в стене.

Бурав

Втащить стену в зал – это нам никак не удастся! Что ты скажешь, Основа?

Основа

Кто-нибудь изобразит стену. Пусть он слегка вымажется гипсом, или мелом, или штукатуркой, чтобы лучше походить на стену, и держит пальцы вот так, чтобы Пирам и Тисба могли шептаться через щелку.

Пигва

Если это можно сделать, то все в порядке. Ну, садитесь наземь и повторяйте ваши роли. Начинай, Пирам. Когда ты проговоришь свою роль, уйди в эту чашу. Так будут делать все, – каждый согласно своей роли.

Пэк появляется позади них.

Пэк

Что за народ здесь грубый раскричался
Так близко от царицыной беседки?
Комедию никак здесь затевают!
Послушаю, а может быть, и сам
При случае к ним попаду в актеры!

Пигва

Начинай, Пирам! Тисба, подойди ближе!

Пирам (декламирует)

О, Тисба милая, цветов неблаговонье...

Пигва (поправляет его)

Цветов благоуханье, благоуханье!

Пирам

О, Тисба милая, цветов благоуханье
Не так приятно мне, как уст твоих дыханье!
Но слышу голос я: останься здесь покуда,
А я сейчас опять к тебе явлюсь оттуда!

Уходит в кусты.

Пэк

О Пирам, удивительнейший из Пирамов!

Уходит за Пирамом.

Флейта

Теперь моя очередь говорить?

Пигва

Да, разумеется, теперь тебе говорить. Ты понимаешь, он пошел разузнать, что там за шум, и сейчас вернется.

Флейта

Блестящий мой Пирам, с лилейной белизною,
Ты розу победил своею красотой!
Могучий юноша, брильянт души моей
И верный мне, как конь, вернейший из коней,
Который никогда усталости не знает!
Приду к тебе, Пирам, к Нинетте на могилу!

Пигва

«К Нинусу на могилу», любезный! Но тебе еще рано это говорить: этим стихом ты должна отвечать Пираму. Ты выговариваешь всю свою роль подряд, не дожидаясь реплик. Пирам входит, и ты кончаешь словами: «усталости не знает».

Возвращается Пэк, невидимый, и Основа, с ослиной головой.

Флейта

И верный мне, как конь, вернейший из коней,
Который никогда усталости не знает!

Основа

Лишь для тебя Пирам прекрасным быть желает!

Пигва

О ужас! О чудеса! Здесь черти завелись! Молитесь,
братцы! Спасайтесь, люди добрые! Помогите!

Все разбегаются.

Пэк

Теперь пойду за вами и заставлю
Вас поплутать порядком чрез кусты,
Чрез терния, чрез чащу и болота.
Я буду вам являться каждый миг
То лошадю, то свинкой, то собакой,
Медведем безголовым иль огнем,
И буду ржать, и хрюкать, и урчать,
Рычать и жечь, при каждой перемене,
То лошади, то свинке, то собаке,

То пламени, то хищному медведю
Со всем моим искусством подражая.

Уходит.

Основа

Куда же это они разбежались? А! Это шутка: они
хотят меня испугать.

Возвращается Рыло.

Рыло

О, Основа! ты превращен: что это я вижу на тебе?

Основа

Что ты видишь? Должно быть, ослиную голову,
такую же, какая у тебя самого на плечах!

Возвращается Пигва.

Пигва

Да хранит тебя небо. Основа! Да хранит тебя небо:

ты превращен!

Рыло и Пигва убегают.

Основа

Я понимаю их хитрость: они прикидываются, будто принимают меня за осла, и хотят испугать меня; но я не сойду с этого места, что бы они там ни делали; я буду здесь прогуливаться назад и вперед; я буду петь, чтобы они слышали, что я не испугался.

(Поет.)

И черный дрозд с оранжевым носком,
И серый дрозд с приятным голоском,
И королек с коротеньким пушком...

Титания *(пробуждаясь)*

О, кто меня как ангел пробуждает?

Основа *(поет)*

И зяблик, и щегленок,
И звонкий жаворонок,
И серая пеструшка,
Несносная кукушка,
Которая весь век
Все то же повторяет, –
Ей внимлет человек,
Хоть верить не желает.

Впрочем, кто же захочет даром терять слова с такой
глупой птицей? Кто станет доказывать птице, что она
врет, хотя бы она целый век кричала «ку-ку»!

Титания

О, спой еще, прекраснейший из смертных:
Мой слух влюблен в твой чудный голосок,
Как влюблены мои глаза в твой образ.
Ты силою своих прекрасных качеств
Влечешь меня невольно и признаться,
И клятву дать, что я тебя люблю!

Основа

Мне кажется, сударыня, что с вашей стороны не

слишком благоразумно было полюбить меня. Впрочем, сказать правду, в наше время любовь и благоразумие редко ходят рука об руку, и, право, достойно сожаления, что какой-нибудь честный сосед не возьмет на себя труд подружить их. Видите ли, я умею и пошутить при случае!

Титания

Ты так умен, как и красив собою!

Основа

Ни то, ни другое. Но если бы у меня нашлось столько ума, чтобы выйти из этого леса, мне было бы достаточно его для собственного обихода.

Титания

О, не стремись из леса выходить!
Я не пущу: ты должен здесь остаться.
Знай – лето вечное в моих владеньях.
Люблю тебя, – останься же со мной!
Я дам тебе прекрасных эльфов в слуги,

И для тебя они пойдут искать
На дне морском камня дорогие
И будут петь и песней усыплять
На берегу, усыпанном цветами.
И смертную природу я в тебе
Очищу так, что будешь ты подобен
Воздушному, бесплотному созданию.
Скорей, Горох Душистый, Паутинка,
Моль, Зернышко Горчичное, сюда!

Являются четыре эльфа.

Паутинка

Я здесь!

Душистый Горошек

И я!

Мотылек

И я!

Горчичное Зернышко

Что нам прикажешь?

Титания

Любезными прошу быть с этим смертным.
Все прыгайте, резвитесь перед ним,
Его кормить несите абрикосы,
Смородину, пурпурный виноград,
И шелковицы ягоды, и фиги;
У диких пчел похитьте сладкий мед,
А ножки их, напитаанные воском,
Повырвите и, факелы наделав,
Зажгите их у светляков в глазах,
Чтоб освещать и сон, и пробужденье
Любезного. У бабочек цветных
Вы крылышки цветные оборвите,
Чтоб отгонять, как веерами, ими
Лучи луны от усыпленных глаз.
Приветствуйте его скорее, эльфы!

Паутинка

Привет тебе!

Душистый Горошек

Привет!

Мотылек

Привет!

Горчичное Зернышко

Привет!

Основа

Прошу прощения, ваша честь. Не угодно ли вашей чести сказать мне ваше имя?

Паутинка

Паутинка.

Основа

Я бы желал покороче с вами познакомиться, любезная госпожа Паутинка. Если я порежу себе палец, то возьму смелость прибегнуть к вашей помощи. Ваше имя, честный господин?

Душистый Горошек

Душистый Горошек.

Основа

Прошу вас поручить меня благосклонности госпожи Шелухи, вашей матушки, и господина Стручка, вашего батюшки. Любезный господин Душистый Горошек, я чрезвычайно желаю познакомиться с вами покороче. – Ваше имя, сударь?

Горчичное Зернышко

Горчичное Зернышко.

Основа

Любезный господин Горчичное Зернышко, я очень хорошо знаю ваши злключения. Этот бессовестный, этот гигантский ростбиф перевел множество благородных членов вашего дома. Уверяю вас, что ваши родственники не раз заставляли навертываться слезы на моих глазах. Я желаю познакомиться с вами покороче, любезный господин Горчичное Зернышко!

Титания

Идите все за ним и отведите
Его в мою беседку. Уж луна
На нас смотреть сквозь слезы начинает.
Когда она льет слезы, вместе с нею
Цветочек каждый плачет и скорбит
О чистоте, похищенной насильно.
Вы милого язык заморозите
И в тишине в беседку отведите!

Уходят.

Сцена 2

Другая часть леса. Входит Оберон.

Оберон

Проснулась ли Титания? Кто первый
Ее глазам явился, – тот, в кого
Она должна влюбиться до безумья?
Желал бы знать!

Входит Пэк.

А! Вот и мой посланник
Что нового, проказник милый мой?
В лесу волшебном что нас позабавит?

Пэк

В чудовище царица влюблена!
Когда она была погружена
В глубокий сон, то близ ее беседки,
Закрытой и священной, собралась

Толпа шутов, ремесленников грубых,
Которые трудами достают
Насущный хлеб в афинских балаганах.
Они пришли, чтоб разучить в лесу
Комедию, которую хотят
Представить в день супружества Тезея.
И вот глупейший этой глупой труппы,
Тот самый, что Пирама представлял,
Окончив роль, вошел в лесную чашу.
Я в темноте последовал за ним
И обратил Пирамову башку
В ослиную. Он скоро должен был
Явиться вновь, чтобы ответить Тисбе.
Вот мой актер является на сцену –
И только лишь заметили его
Товарищи, все разом вострепнулись,
Как дикий гусь, который встретил взор
Ползущего охотника, как галки,
Которые, от выстрела вспорхнув,
Все каркают и, воздух рассекая,
Летят спастись по разным сторонам:
Так и они, увидевши Пирама,
Пустились спасаться кто куда.
Все падали, где я ступал ногою,
И, падая, кричали, что их режут,
И из Афин к себе на помощь звали.
Рассудок их столь слабый потерялся
В их ужасе столь сильном; ложный страх
Способствовал безжизненным предметам

Еще сильнее вредить им и пугать;
Терновник и шиповник за одежды
Хватали их, причем рукав иль шапку
Бегущие утратить торопились.
Так, преданных безумному их страху,
Я разогнал их всех, оставя здесь
Прекрасного Пирама превращенным.
Меж тем как я там с ними хлопотал,
Проснулася царица и тотчас же
Влюбилася до крайности в осла.

Оберон

Исполнилось все лучше, чем я думал.
Пустил ли ты афинянину в очи
Волшебный сок, как я тебе велел?

Пэк

Да, я его нашел, когда он спал
Недалеко от юной афинянки;
Когда же он проснется, то она
Его глазам предстанет поневоле.

Входят Деметрий и Гермия.

Оберон

Тс! Замолчи! Вот он идет сюда!

Пэк

Да, дева та, но с ней другой мужчина.

Деметрий

О, для чего отталкиваешь ты
Того, кто так тебя безумно любит?
Смертельного врага ты мучай так,
А не меня!

Гермия

Пока я упрекала.
Но я боюсь, чтоб ты не заслужил
Не только что упрека, но проклятья!
О, если ты убил во время сна
Лизандера, – его облитый кровью,
Излей до капли кровь мою скорей!
Убей меня! Нет, солнце не бывало
Так верно дню, как верен был Лизандер
Своей любви! О нет, – уйдет ли он
От Гермии уснувшей? Я поверю
Скорей тому, что скоро шар земной
Просверлится насквозь и что в отверстие
Скользнет луна до самых антиподов,
Чтоб в полдень там явить свой бледный лик
И оскорбить пылающее солнце.
О, верно ты Лизандера убил:
Ты страшен мне, ты смотришь как убийца!

Деметрий

О, так, как я, убитый только смотрит!
Да, я убит жестокостью твоей,
А ты, мой враг, убийца мой прекрасный,
Горишь звездой пленительной Венеры!

Гермия

Что общего с Лизандером моим
В твоих словах? О, добрый мой Деметрий!
Где он? Отдай его моей любви!

Деметрий

Я труп его скорей отдам собакам!

Гермия

Прочь от меня, прочь, злобная собака!
Мою ты скромность вывел из пределов.
Да, ты убил Лизандера! Отныне
Будь исключен из общества людского!
Не мучь меня: ведь ты убил его?
Прошу, скажи хоть раз один лишь правду?
Когда бы он не спал, ты не посмел бы
Ему в лицо взглянуть; но ты напал
На сонного. Как храбро поступил ты!

Лишь гадина могла так поступить!
Да, ты змея, – но и змее едва ли
Когда случилось злей, чем ты, ужалить.

Деметрий

Ты сердишься напрасно: я невинен,
Лизандера я кровь не проливал.
И не слыхал, чтоб твой Лизандер умер.

Гермия

Молю тебя, скажи мне, что он жив!

Деметрий

Какая ждет меня за то награда?

Гермия

Не видеться со мною никогда!
Присутствие твое мне ненавистно.
Жив он иль нет, я не хочу, чтоб ты
Мне на глаза являлся.

Уходит.

Деметрий

Бесполезно
Ее теперь преследовать: она
Рассержена ужасно. Постараюсь
Здесь отдохнуть немножко: я устал.
Печаль еще становится тяжеле,
Когда ей сон, должник неаккуратный,
Отказывается платить свой долг.
Попробую, – быть может, он уплатит
Хоть что-нибудь: здесь подожду его.

Ложится и засыпает.

Оберон

Что сделал ты. Ты все перемешал!
Ты верному любовнику влил соку,
И от твоей ошибки, посмотри,
Кто верным был, тот сделался неверным.

Пэк

Уж видно, так устроено судьбой:
На одного, кто верным остается,
Есть миллион вздыхателей неверных,
Тьму лживых клятв которые дают!

Оберон

Ну, беги весь лес быстрее ветра
И отыщи Елену из Афин.
Она больна; ее ланиты бледны,
От вздохов и от пламенной любви
Исчезла в ней вся свежесть юной крови.

Каким-нибудь обманом приведи
Ее сюда, а я здесь очарую
Его глаза, пока она придет.

Пэк (*убегая*)

Бегу, бегу! Смотрите, как бегу –
Быстрой стрелы, татаринომ спущенной.

Оберон (*выжимая цветок на глаза Деметрия*)

Купидоном пораженный,
Чудный, пурпурный цветок,
На покров очей смеженный
Испусти волшебный сок,
И им брошенная дева
Пусть блеснет в его очах
Как Венера в небесах!
Когда придет Елена, ты проснись
И всей душой в прекрасную влюбись!

Пэк возвращается.

Пэк

Толпы волшебной властелин,
Елена близко. Вместе с нею
Идет афинянин один:
Тот, что ошибкою моею,
Проснувшись, стал ее любить –
И умоляет он Елену
Его любовь вознаградить.
Увидим мы смешную сцену.
Как глупы люди – погляди!

Оберон

Молчи и дальше отойди, –
Их шум Деметрия разбудит.

Пэк

Здесь разом два влюбленных будет.
О, как забавно, как смешно!

Меня ничто не забавляет
Сильней того, как заодно
Нелепость с глупостью бывает!

Входят Лизандер и Елена.

Лизандер

Ты думаешь, что я лишь насмехаюсь.
Твою любовь вымаливая? Нет!
Бывают ли насмешки со слезами?
Смотри, когда клянусь тебе – я плачу:
Мои слова рождаются в слезах,
В их истине порукой – их рождение.
Как можешь ты предполагать насмешку,
Когда в глазах ты видишь знак того,
Как я в моих словах чистосердечен?

Елена

Все дальше хитрость вы свою ведете.
Как тяжела борьба двух клятв бывает,
Когда одна другую убивает!
Для Гермии храните ваши клятвы:
Они – ее! Откажетесь ли вы?

Попробуйте вы взвесить клятву клятвой –
И весу в ней не будет. Так обет,
Который вы и мне, и ей даете,
Коль положить в две чашечки весов,
То ни одна из них не перевесит:
Они легки останутся, как сказки.

Лизандер

Когда я клялся ей, рассудок мой
Был не со мной.

Елена

Он и теперь не с вами,
Когда от прежних клятв вы отречетесь.

Лизандер

Пусть Гермия Деметрий любит; вас
Не любит он.

Деметрий (*просыпаясь*)

Елена! О богиня!
О нимфа вод! О чудо совершенства!
С чем я могу сравнить твои глаза?
С кристаллом? Нет, кристалл нечист и мутен.
О, как на вид твои созрели губки –
Как вишенки: зачем они растут?
Чтоб возбуждать желанье к поцелую.
О, белизна снегов оледенелых,
Ласкаемых восточными ветрами
И покрывающих высокий Тавр,
Мне кажется черней пера вороны,
Когда свою ты руку поднимаешь!
Елена, о, позволь поцеловать
Ее – печать небесного блаженства,
Владычицу чудесной белизны!

Елена

О, хитрость! Ад! Вы сговорились все,
Чтоб надо мной жестоко насмеяться.
О, если бы приличье знали вы –

Вы оскорблять не стали бы так сильно
Несчастную! Да, мне давно известно:
Вы ненависть питаете ко мне;
Но нужно ль вам еще соединяться,
Чтобы так зло смеяться надо мной?
О, если бы вы были вправду люди,
Как кажется по виду, – о, тогда
Не стали б вы, конечно, обращаться
Так с женщиной смиренной и тихой.
Не стали б мне давать так много клятв
И восхвалять достоинства мои
До крайности, когда я верно знаю,
Что вы меня не терпите всем сердцем.
Соперники вы были по любви,
Соперники теперь вы по насмешке.
Насмешками своими вызывать
У девушки несчастной, бедной слезы –
Как доблестен, как храбр поступок ваш!
О нет, в ком есть хоть искра благородства,
Не станет тот так забавлять себя
И выводить бедняжку из терпенья!

Лизандер

Деметрий, вы жестоки – перестаньте!
Ведь Гермию вы любите, я знаю –

Я от души и сердца моего
Передаю вам все мои права
На Гермю, а вы мне уступите
Свои права на чудную Елену,
Которую я всей душой люблю
И буду век любить.

Елена

О, никогда
Насмешники так нагло не смеялись!

Дементрий

Нет, Гермю оставь себе, Лизандер:
Она мне не нужна, и если я
Ее любил – моя любовь прошла.
У Гермии мое гостило сердце,
Теперь оно к Елене, как в свой дом,
Пришло назад навеки поселиться!

Лизандер

Не верь ему, Елена!

Дементрий

Не дерзай
Оспаривать, чего ты сам не знаешь,
Иль дорого заплатишь ты за дерзость.
Гляди, – вот милая твоя идет.

Входит Гермия.

Гермия

Отняв у глаз способность зорко видеть,
Ночь мрачная усиливает слух
И делает отчетливее звуки.
Ночь, зрение ослабив, награждает
Нас тем, что слух удваивает в нас.
Я не глазам обязана, а уху
Тем, что тебя, Лизандер, здесь нашла:

Я шла сюда на голос твой. Жестокий,
Зачем меня оставил ты одну?

Лизандер

А мог ли тот с тобою оставаться,
Кого любовь гнала прочь от тебя?

Гермия

Какая же любовь тебя гнала
От Гермии?

Лизандер

Лизандера любовь!
Лизандера любовь не позволяла
С тобой мне быть; любовь его к Елене,
Которая блестит во тьме ночной
Сильней очей небесных – чудных звезд!
Зачем меня ты ищешь? Не могла ли

Ты разгадать, что ненависть моя
Заставила меня тебя покинуть?

Гермия

Не то, что думаешь, ты говоришь, –
Не может быть!

Елена

Смотрите – и она
К ним в заговор вступила. О, я вижу,
Они втроем здесь собрались затем,
Чтоб надо мной жестоко посмеяться!
Недобрая, коварная подруга,
Не ты ли все устроила, скажи,
Чтобы меня измучить глупой шуткой?
О, Гермия! Забыла ты мечты,
Которые делили мы с тобою,
Привязанность взаимную, часы,
Которые вдвоем мы проводили
И быстроту их обвиняли в том,
Что нас они так скоро разлучали.
Ужели все забыто: наша дружба

И детская невинность? Помнишь, мы
Один цветок с тобою вышивали,
Как две богини, по одной канве;
Всегда сидели на одной подушке,
Одну и ту же песню напевая,
Как будто в нас и руки, и тела,
И голоса, и души были слиты?
О! Мы росли, как вишенка двойная,
Что раздвоенной кажется на взгляд,
Но связана одним и тем же стеблем.
Как ягодки согласные растут
На стебельке едином, так и мы –
Хоть с виду были две, однако сердце
Мы общее имели. Как в гербе,
Хотя и есть два поля – оба поля,
Принадлежа единому щиту,
Увенчаны нашлемником единым:
Так – мы с тобой. И прежнюю любовь,
О Гермия, ты хочешь уничтожить!
С мужчинами соединилась ты,
Чтоб над своей подругой насмеяться.
Не дружеский, не девичий поступок!
Весь женский пол со мною заодно
Тебя винить – поверь – за это будет,
Хоть я одна тобой оскорблена.

Гермия

Меня твои упреки удивляют!
Я не смеюсь, но кажется, что ты
Намерена смеяться надо мною.

Елена

Лизандера не ты ль уговорила,
В насмешку мне, последовать за мной
И восхвалять мое лицо и очи?
А твой другой возлюбленный, Деметрий,
Который так недавно отгонял
Меня ногой, не по твоей ли воле
Зовет меня бесценной, божеством,
Небесною и нимфой несравненной?
Зачем бы стал так говорить он той,
Которую он сердцем ненавидит?
Зачем бы стал Лизандер отрекаться
От прошлого и от любви к тебе,
Которая вселилась так глубоко
В его душе? Зачем свою любовь
Он предлагать мне стал бы? Без сомненья,
Все с твоего согласия. Если я

Не так, как ты, прекрасна и счастлива,
И не влеку, как ты, к себе сердца,
Напротив же, люблю и нелюбима, –
О Гермия, несчастье мое
В тебе вселить должно бы не презренье,
А жалость.

Гермия

Нет, не понимаю я,
Что хочешь ты сказать.

Елена

О, притворяйся
Печальною! Прекрасно! Продолжай!
О, делайте гримасы и друг другу
Подмигивать с улыбкой продолжайте,
Когда спиной я обращаюсь к вам;
Все поддержать старайтесь вашу шутку:
В ней много есть забавного; она
Так сыграна, что перейдет в потомство.
О, если бы в вас было сожаленье,
Приветливость иль благородство, вы

Не сделали б меня предметом шуток!
Прощайте. Я отчасти виновата, –
Но смерть или отсутствие мое
Мою вину исправят очень скоро.

Лизандер

Остановись и дай мне оправдаться!
Моя любовь, моя душа и жизнь,
Чудесная Елена!

Елена

Превосходно!

Гермия

Ну перестань, не оскорбляй ее.

Деметрий

Когда она не может упросить,
То я могу принудить.

Лизандер

Ты принудить
Меня, поверь, не можешь, а она
Меня равно не может упросить.
Поверь, твои угрозы не сильнее
Ее мольбы бессильной. О Елена,
Клянусь тебе, что я тебя люблю!
Клянусь тебе я жизнью – это правда!
Той жизнью, которой я готов
Пожертвовать, чтоб только доказать,
Что тот солгал, кто утверждать дерзает,
Что будто бы я не люблю тебя.

Деметрий

Я говорю, что я люблю Елену,
И более, чем можешь ты любить.

Лизандер

О, если так, пойдем – и докажи мне.

Деметрий

Сейчас, – идем.

Гермия (*удерживая Лизандера*)

О, что все это значит?
Лизандер, объясни!

Лизандер

Прочь, эфиопка!

Деметрий

Довольно, друг, хитрить и притворяться!
Для виду лишь ты рвешься из объятий
И показать стараешься притворно,
Что хочешь вслед идти – и не пойдешь.
О, знаю я тебя: ты смиренный воин!

Лизандер (*Гермии*)

Не вешайся, несносная ты кошка!
Оставь меня свободным, злая тварь!
Иль я тебя отброшу, как змею,
Прочь от себя!

Гермия

Что значит эта грубость?
О милый мой, что случилось с тобой?

Лизандер

Твой милый? Прочь, прочь, смуглая татарка,
Прочь, горькое лекарство, прочь, микстура!

Гермия

Ты шутишь?

Елена

Да, он шутит, как и ты.

Лизандер

Деметрий, слово я свое сдержу.

Деметрий

Посмотрим, докажи. Я замечаю,
Что слабых уз довольно для того,
Чтобы тебя сдержать, – и я не верю
Твоим словам.

Лизандер

Не хочешь ли, чтоб я
Ее побил, иль ранил, иль до смерти
Ее убил? Я не хочу ей зла,
Хотя ее и ненавижу.

Гермия

Боже,
Мне ненависть твоя страшней всех зол!
Как, ненависть? Ко мне? Скажи, за что же?
О, что с тобой, мой милый? Разве я
Не Гермия? Ты разве не Лизандер?

Не так ли я, как прежде, хороша?
Как, в ту же ночь любить меня и бросить!
Да, бросил он меня! О боги, боги!
Не дайте мне увериться, что правду
Я говорю!

Лизандер

Да, правду: я клянусь
В том жизнию! Да, я тебя оставил
С намереньем не видеть никогда;
А потому ты можешь отказаться
От всех надежд, вопросов и сомнений.
Да, я люблю Елену, а к тебе
Я ненависть питаю – и поверь,
Что истина все это, а не шутка.

Гермия (*Елене*)

Обманщица! Червь, спрятанный в цветке!
Воровка! Ты сюда прокралась ночью,
Чтоб милого похитить у меня.

Елена

Как хорошо! Нет более в тебе
Ни чистоты, ни скромности девичьей,
И искры нет стыда в твоих поступках!
Иль хочешь ты из уст моих смиренных
Поток укоров пламенных извлечь?
Стыдись, дрянная кукла!

Гермия

Кукла? Я?
Что хочешь ты сказать? А, понимаю
Откуда ты название взяла!
Меня унижить хочешь ростом ты,
Сравнив мой рост с своим, которым так
Ты чванишься. Наружностью своею,
Высокою фигурой – знаю я –
Его пленила ты. Но неужели
Ты оттого так стала высоко
В его любви? Ужель я так мала?
Ну, отвечай, раскрашенная жердь!
Ужель я так мала? О нет, не думай!
Нет, я не так мала, чтоб не достать

До глаз твоих ногтями.

Елена

Господа,
Хотя и вы смеетесь надо мною,
Но я прошу вас – не давайте ей
Вредить мне. Я совсем не зла – поверьте,
И ссориться привычки не имею.
По робости, я девушка вполне;
Побить меня вы ей не позволяйте.
Не думайте, чтоб я могла найти
В самой себе от Гермии защиту,
Хотя она и меньше.

Гермия

Как! Опять
Ты говоришь о росте!

Елена

Не сердись,
О Гермия! Не будь ко мне жестока!
Ты помнишь ведь, к тебе всегда любовь
Питала я и тайны все твои
Всегда хранила. Пред тобой чиста я!
Теперь в одном я только провинилась –
Что из любви к Деметрию сказала,
Что вы ушли тихонько в этот лес.
Деметрий мой последовал за вами,
А я за ним, любовьию влекома.
Но оттолкнув, он угрожал меня
Прибить, прогнать, ногами растоптать
Или убить. Теперь, когда хотите
Меня домой пустить, я отнесу
В Афины страсть безумную обратно
И более не буду вам мешать.
Позвольте же теперь мне удалиться.
Вы видите, как я проста, глупа.

Гермия

Но что ж тебя удерживает?

Елена

Сердце,
Которое я оставляю здесь.

Гермия

С Лизандером?

Елена

С Деметрием.

Лизандер

Елена,
Она тебе не смеет сделать зла:

Ты можешь быть покойна.

Деметрий

О, конечно!

Хотя б и ты соединился с ней –

Вы сделать зла не смеете Елене.

Елена

Когда она рассердится, ужасно

Бывает зла. Еще, я помню, в школе

Она была драчуньей. Я боюсь,

Хотя она мала.

Гермия

Опять «мала»!

Опять меня ты ростом попрекаешь!

Дозволите ль меня так оскорблять?

Пустите к ней!

Лизандер

Прочь, карлица, прочь, крошка,
Зачатая на маточной траве!
Прочь, бусина! Прочь, желудь!

Деметрий

Стой, Лизандер,
Не слишком ли услужлив ты для той,
Которая услуг твоих не просит?
Оставь ее, не говори о ней,
Не защищай Елену. Если смеешь
Ты выказать хоть каплю к ней любви,
Ты дорого заплатишь!

Лизандер

Я свободен:
Она меня не держит. Ну, теперь

Иди за мной скорее, если смеешь.
Кто больше прав имеет на Елену –
Увидим.

Дементрий

Как? Мне за тобой идти?
Я пред собой тебе не дам ни шага!

Дементрий и Лизандер уходят.

Гермия

И вы одна, сударыня, причиною
Всех этих неприятностей. Куда?
Останьтесь здесь!

Елена

Я вам не доверяю
И с вами оставаться не хочу.
Когда дойдет до драки, ваши руки

Быстрее моих, но ноги у меня,
Чтобы бежать, длинней гораздо ваших.

Убегает.

Гермия

Не нахожусь, не знаю, что сказать!

Бежит за Еленой.

Оберон

Вот следствия оплошности твоей!
И всякий раз ты промахи творишь,
Иль просто ты умышленно плутуешь.

Пэк

Ошибся я – поверь мне, царь теней!
Не ты ли мне сказал, что по костюму
Афинскому узнаю я того,
Кого ищущу? И, право, мой поступок

Не заслужил упреков! Разве я
Не покропил афинянина очи?
Отчасти я ошибке даже рад:
Их ссора нам доставила забаву.

Оберон

Соперники, однако, ищут места,
Чтоб драться. Ну, ступай скорее, Робин,
Спеши, удвой тьму ночи; звездный свод
Покрой густым туманом, столь же мрачным,
Как Ахерон, и разведи сейчас
Двух вспыльчивых соперников, но так,
Чтобы один не мог другого встретить:
То голосом Лизандера дразни
Дементрия язвительной насмешкой;
То голосом Дементрия серди
Лизандера – и так их друг от друга
Удерживай до той поры, пока
На их чело сон, подражатель смерти,
Надвинется свинцовою стопой
И их своим крылом нетопыриным
Прикроет. Ты пусти тогда в глаза
Лизандеру сок этой малой травки:
В ней свойство есть – в глазах уничтожить
Постигший их обман иль ослепленье

И прежнюю способность возвращать.
Когда они проснутся, эта шутка
Покажется им сном, пустым виденьем.
Соперники в Афины возвратятся,
И свяжут их сердца такие узы,
Которые разрушит только смерть.
Ступай пока, исполни это дело,
А я пойду к царице, и у ней
Я выпрошу индийского ребенка.
Потом сниму я с глаз ее те чары,
Которыми прикована она
К чудовищу – и всюду водворится
Спокойствие.

Пэк

О, повелитель эльфов,
Нам следует, однако, поспешить.
Уж облака драконы черной ночи
Всей силою стремятся рассекать;
Уж там блестит предвестница Авроры,
И, чувствуя, что скоро будет свет,
Спешат толпой блуждающие тени
На кладбище. Все проклятые души,
Которые могилу обрели
В волнах иль на дорогах перекрестных,

Уж улеглись на ложа из червей.
Страшась, чтоб день их страшного позора
Не озарил, от радостного дня
Они себя изгнали добровольно
И тьме ночей навеки обрekli.

Оберон

Но мы с тобой другого рода духи:
С Аврориным любимцем мне не раз
Случалось в лесу здесь забавляться.
Я обегал с ним рощи, как лесничий,
До той поры, пока врата Востока,
Все красные, как будто бы в огне,
Разверзнувшись широко, начинали
Свои лучи в Нептуне погружать
И покрывать чудесно-желтым златом
Соленые зеленые струи.
Но поспеши, однако, и не мешкай –
До утра мы успеем кончить всё.

Уходит.

Пэк

И сюда и туда, и туда и сюда,
Я их всех поведу и сюда и туда.
Не деревни одни, но и все города,
Все боятся меня, всем я страшен всегда.
Ну, шалун, поводи их туда и сюда!
А, вот один!

Входит Лизандер.

Лизандер

Ну, где же ты, Деметрий?
Надменный, где ты – говори?

Пэк

Я здесь!
А, негодяй! К оружию, защищайся!
Где ты?

Лизандер

Я здесь! Сейчас найду тебя.

Пэк

Иди сюда: здесь поровнее место!

Лизандер уходит, следуя за голосом. Входит Деметрий.

Деметрий

Лизандер, трус! Ну, говори опять!
Беглец! Ушел! В кустарнике ты, что ли, –
Где голову свою ты спрятал?

Пэк

Трус!
Ты лишь во тьме храбришься пред звездами,
Кричишь кустам, что время бой начать,
А сам нейдешь. Иди сюда, трус подлый,
Молокосос! Я розгою тебя
Здесь высеку, – меча же не унижу:

Против тебя не обнажу его!

Деметрий

Да где же ты?

Пэк

Иди за мной, на голос:
Удобнее здесь храбрость испытать.

Уходят.

Лизандер возвращается.

Лизандер

Он от меня бежит и вызывает
Меня на бой. Когда ж я прихожу
На те места, куда меня он кличет,
Его там нет. Да, этот негодяй
Быстрее меня. Хоть я довольно скоро
Гнался за ним, но он еще скорей

Бежал, чтоб я не мог его настигнуть.
Гнался, гнался и наконец попал
На темную, неровную дорогу.
Останусь здесь. Приди скорее, день!

(Ложится.)

Лишь только ты блеснешь передо мною
Своим седым лучом, я отыщу
Дементрия и отомщу обиду.

(Засыпает.)

Пэк и Дементрий возвращаются.

Пэк

Го-го-го-го! Трус! Что же ты нейдешь?

Дементрий

Дождись меня, когда дождаться смеешь.
О, знаю я – ты от меня бежишь
И лишь места меняешь беспрестанно,
Ни на одном не смея оставаться,
Чтоб прямо мне в лицо взглянуть. Где ты?

Пэк

Поди сюда! Я здесь.

Деметрий

Смеешься ты,
Но дорого за это ты заплатишь,
Когда тебя при свете дня я встречу.
Теперь ступай дорогою своей.
Тем временем, усталостью томимый,
Я растянусь на этом хладном ложе.
Лишь только день настанет – жди меня!
(Ложится и засыпает.)

Входит Елена.

Елена

Ночь скучная, меня ты утомила!
Ночь длинная, убавь свои часы!
О, заблести скорее на востоке,

Отрадный день! При чудном свете дня
Я возвращусь в Афины и оставлю
Тех, для кого присутствие мое
Несносно так! Ты, благодатный сон,
Смежающий порой глаза страданию,
О, помоги забыться хоть на миг!
(Ложится и засыпает.)

Пэк

Только трое их покуда;
Пусть еще придет одна –
По два будет здесь от пола –
И четыре – все сполна!
Вот она идет, бедняжка:
Как сердита, как грустна!
Купидон большой проказник:
Можно ль женщин так крушить?
Можно ль их с ума сводить?

Входит Гермия.

Гермия

О, никогда я так не уставала

И никогда несчастней не была!
Изранена я вся колючим терном.
Измочена росой – и не могу
Ни двигаться, ни продолжать пути.
У ног моих нет силы покоряться
Желаниям моим. Останусь здесь
И отдохну, пока день загорится.
О, ежели сразиться должно им,
Пусть небеса Лизандеру помогут!
(Ложится и засыпает.)

ПЭК (подходя к Лизандеру)

Спи, влюбленный, спи,
Спи глубоким сном:
Я глаза твои
Излечу цветком!
(Выжимает цветок над Лизандером.)
И в минуту пробужденья
Снова будешь ты иметь
В полной мере наслажденье –
Прежде милому творенью
В очи милые глядеть!
И над вами совершится,
Что в народе говорится:
Всяк будь царь своих владений;

Джон свою получит Дженни,
Всё пойдет своим путем,
Будут все с своим коньком,
Всё окончится добром!

Уходит.

АКТ IV

Сцена 1

Там же.

Деметрий, Елена, Лизандер и Гермия спят.

Входят Титания со свитой и Основа.

Оберон наблюдает за ними издали.

Титания

Приди и сядь на ложе из цветов!

Дай поласкать прекрасные ланиты,

Дай розами убраться твою головку,

Столь мягкую, столь гладкую; позволь

Поцеловать твои большие уши.

О, милый друг!

Основа

Где Душистый Горошек?

Душистый Горошек

Здесь.

Основа

Почешите у меня в голове, Душистый Горошек. Где госпожа Паутинка?

Паутинка

Здесь.

Основа

Госпожа Паутинка, любезная госпожа Паутинка, возьмите в руки ваше оружие и убейте эту красноногую

дикую пчелку, что сидит на чертополохе, а затем, любезная госпожа Паутинка, принесите мне ее медовый мешочек. Только не слишком усердствуйте в этом деле, госпожа Паутинка, чтобы медовый мешочек не лопнул: мне было бы неприятно увидеть вас, сударыня, обливаю медом. Где господин Горчичное Зернышко?

Горчичное Зернышко

Здесь.

Основа

Дайте мне вашу лапку, господин Горчичное Зернышко! Сделайте одолжение, перестаньте церемониться, любезный господин!

Горчичное Зернышко

Что вам угодно?

Основа

Ничего, любезный господин. Помогите, однако, госпоже Паутинке почесать у меня в голове. Надо мне сходить к цирюльнику, любезный господин, – мое лицо, кажется, слишком уж заросло волосами. Я такой чувствительный осел, что чуть зашекочет меня волос, я уж должен почесаться.

Титания

Не хочешь ли ты музыку послушать,
Мой милый друг?

Основа

Да, у меня довольно музыкальный слух. Сыграйте-ка что-нибудь на щипцах и костях.

Титания

Не хочешь ли покушать ты чего?

Основа

В самом деле! Я бы поел, я бы охотно пожевал доброго сухого овсеца. Мне кажется, что я не отказался бы и от охапки сена. Славное сочное сено! Что может с ним сравниться?

Титания

Есть у меня проворный эльф в услугах.
У белочки отыщет он запас
И принесет тебе орехов свежих.

Основа

Я бы предпочел горсточку-другую сухого гороху. Но сделайте одолжение, прикажите вашим людям оставить меня в покое. Я чувствую, меня что-то начинает клонить ко сну.

Титания

В моих объятьях ты заснешь спокойно!

(Обнимает Основу.)

Вы, эльфы, все ступайте по местам.

Эльфы уходят.

Так жимолость иль сладкий каприфолий

Ствол деревца с любовью обвивают;

Так нежный плющ кольцами огибает

Покрытые корою пальцы вяза.

О, я тебя люблю, боготворю!

Титания и Основа, обнявшись, засыпают.

Входит Пэк.

Оберон (*приближаясь*)

А, Робин мой, здорово! Полюбуйся
На зрелище прекрасное. Во мне,
Я признаюсь, рождаться начинает
К безумию царицы состраданье.
За лесом с ней я встретился сейчас,
Когда она собирала благовонья
Для этого презренного болвана.
Я там ее порядком пожурил.
Венками из цветов пахучих, свежих
Она его власатые виски
Придумала украсить – и росинки,
Которые гордились недавно
Тем, что блестят роскошно на цветах,
Как круглые жемчужины Востока,
Теперь лежат в глазах цветков, как слезы,
Которые принуждены свой срам
Оплакивать. Когда я посмеялся
Над нею вдоволь и когда она
Просить меня с покорностью стала,
Чтоб я ее простил, я у нее
Потребовал индийского ребенка.
Она его мне тотчас уступила
И эльфу приказала отнести
Его в мою волшебную беседку.

Теперь он мой, и с глаз моей царицы
Я слепоту презренную сниму.
Ты, милый Пэк, афинского невежду
От головы искусственной избавь.
Проснувшись, пусть воротится с другими
В Афины он, и там пускай они
Припоминают все об этой ночи
Не иначе, как о виденьях сна.
Но прежде надо снять с царицы чары.
(Выжисмает цветок на глаза Титании.)
Будь, чем ты всегда была,
Зри, как видела ты прежде!
Сок Дианина ростка
Уничтожит вмиг всю силу
Купидонова цветка.
Теперь, моя Титания, проснись!
Проснись, моя любезная царица!

Титания *(просыпаясь)*

Мой Оберон, какие сновиденья
Мне грезились! Сейчас казалось мне,
Что будто бы я влюблена в осла.

Оберон

Вот здесь лежит твой милый.

Титания

Как все это
Могло случиться? О, как нестерпимо
Смотреть глазам на эту образину!

Оберон

Молчанье на минуту! Робин, милый,
Избавь его от этой головы.
Титания, пусть музыка играет,
Пускай сильнее, чем сон обыкновенный,
Всех пятерых она здесь усыпит.

Титания

Эй, музыка! Эй, музыка, сюда!
Скорей играй и очаруй здесь спящих!

Пэк (снимая ослиную голову с Основы)

По-прежнему, проснувшись, ты гляди
Своими глупыми глазами!

Оберон

Ну, музыка, играй!

Раздается тихая и мелодичная музыка.

Моя царица,
Возьмемся за руки с тобой и землю
Под спящими заставим трепетать.
Теперь опять мы в дружбе. Завтра в полночь
Торжественно мы будем танцевать

У герцога Тезея в пышном замке –
И мы его наполним мирным счастьем.
Любовников две верные четы
Там женятся с Тезеем в то же время –
И будут все счастливы и довольны.

Пэк

Властитель, скоро рассветет:
Уж в небе жавронок поет!

Оберон

Мы вслед за ночью полетим,
Среди священной тишины,
Быстрее блуждающей луны.

Титания

Лететь с тобой готова я;
Ты ж мне расскажешь, как случилось,

Что ночью здесь уснула я
И вдруг среди смертных очутилась.

Исчезают. За сценой слышны крики охотников.
Входят Тезей, Ипполита, Эгей и свита.

Тезей

Один из вас пусть сходит отыскать
Лесничего. Теперь обряды наши
Окончены. Но так как мы еще
В начале дня, то милая моя
Моих собак музы́ку будет слышать.
Спустите всех их к западной равнине.
Скорее! Я сказал, чтобы нашли
Лесничего. А мы с тобой, царица
Прекрасная, пойдем на эту гору
И будем там свободнее внимать
Чудесному смешенью голосов
Моих собак и эха.

Ипполита

Помню я,

При мне однажды Геркулес и Кадм
Спартанскими собаками травили
Медведя в Критском лесе. Никогда
Приятнее я звуков не слыхала.
Поверишь ли, не только что кусты,
Но небеса, окрестности, ручьи
Звучали все единым, общим криком.
Да, никогда не слыхивала я
Такого музыкального разлада,
Такого упоительного шума!

Тезей

Но и мои к спартанской же породе
Принадлежат: и у моих собак
Большая пасть и шерсти цвет песочный;
На головах их уши так висят,
Что ими поутру росу
Сметают; и выгнуты их ноги,
Подгрудки же у них как у быков
Фессалии. И если на угонку
Они не так-то быстры, уж зато
Их голоса подобраны друг к другу,
Как колокольчики. О, никогда
В Фессалии, иль в Спарте, иль на Крите
Охотничьи рога не возбуждали

Собак, собою столь сладкоголосных!
Суди сама, когда услышишь их.
Но, тише! Тс! Что это здесь за нимфы?

Эгей

Мой государь, да это дочь моя,
А здесь лежит Лизандер! Вот Деметрий.
А с ними и Елена, дочь Недара.
Я удивлен, что нахожу их здесь
Всех вместе.

Тезей

Да, они так рано встали,
Чтоб майские обряды совершить.
Услышав о намерении нашем,
Они пришли сюда, чтоб с нами вместе
Здесь праздновать. Скажи-ка мне, Эгей,
Не нынче ли срок Гермии назначен,
Чтоб выбор сделать?

Эгей

Да, мой государь.

Тезей

Поди скажи, чтоб звуками рогов
Охотники их тотчас разбудили.

За сценой раздаются звуки охотничьих рогов и крики.
Деметрий, Лизандер, Гермия и Елена просыпаются и
вскакивают.

А, здравствуйте, друзья! Ночь Валентина
Уже прошла; а вы, лесные птички,
Лишь начали, никак, слетаться вместе?

Лизандер

Простите, государь!

Лизандер и прочие становятся на колени перед Тезеем.

Тезей

Прошу всех встать.

Я знаю, что соперники вы оба:

Откуда же согласие такое

Между двумя врагами? Отчего

Так ненависть от страха далека,

Что с ненавистью спит и не боится.

Что дух вражды над ними?

Лизандер

Государь!

Я нахожусь в каком-то полусне

И отвечать вам буду с удивленьем.

Но я клянусь, что не могу сказать вам

С подробностью, как я попал сюда.

Мне кажется – желал бы вам сказать

Всю истину – теперь припоминаю,

Как это все случилось... точно так!

Я с Гермией пришел сюда: хотели

Мы из Афин бежать, чтоб скрыть себя

От строгости афинского закона.

Эгей

Довольно, о, довольно! Государь,
Вы слышали? Довольно! Я зову
Закон, закон на головы виновных.
Они бежать хотели. О, Деметрий,
Они чрез то хотели нас лишить:
Тебя – жены, меня – законной воли
Женить тебя на дочери моей!

Деметрий

Мой государь, прекрасная Елена
Открыла мне намерение их
Бежать и здесь пока в лесу укрыться.
Я в бешенстве последовал за ними;
Прекрасную ж Елену повлекла
За мной любовь. Но, добрый государь,
Не знаю я, какой чудесной силой –
А сила здесь какая-то была –
Вдруг к Гермии любовь моя исчезла,
Растаяла внезапно, будто снег –
И я теперь о ней припоминаю

Как о пустой игрушке, о которой
Безумствовал я в детстве. Вся любовь
И все, что есть святого в этом сердце,
Принадлежат теперь одной Елене:
Она одна – предмет и радость глаз!
С ней, государь, я обручен был прежде,
Чем увидал я Гермию; потом,
Как будто бы в болезни, эта пища
Мне сделалась несносною; теперь же
Я, как больной в своем выздоровленье,
Вновь получил естественный мой вкус.
Теперь ее люблю, ее ищу,
Теперь о ней вздыхаю и хочу
Я верным ей остаться до могилы!

Тезей

Прекрасные четы, я очень счастлив,
Что встретил вас. Но после обо всем
Расскажете вы нам. Тебе, Эгей,
Придется подчиниться нашей воле.
Пусть с нами вместе эти две четы
В одном навек соединятся храме.
Но утро уж почти прошло, и мы
Намеренье охотиться отложим.
Отправимся в Афины. Три и три!

О, праздник наш великолепен будет!
Пойдем же, Ипполита!

Тезей, Ипполита, Эгей и свита уходят.

Деметрий

Это все
Мне кажется столь бледным и неясным.
Как абрис гор, столь сходных с облаками.

Гермия

Мне кажется, что я на все смотрю
Раздельными глазами: предо мною
Двоится все.

Елена

Я то же ощущаю:
Мне кажется, что будто я нашла
Деметрия, как камень дорогой,

Который мой, а вместе и не мой!

Деметрий

Я думаю, что все мы спим и бредим.
Но не был ли здесь герцог? За собой
Он нам идти не приказал ли?

Гермия

Да,
И мой отец был с ним.

Елена

И Ипполита.

Лизандер

Он нам велел идти за ним во храм.

Деметрий

Так, стало быть, не спим! Итак, пойдёмте
За герцогом скорее и расскажем
Дорогою друг другу наши сны.

Уходят.

Основа

(просыпаясь)

Когда придет моя очередь, позовите меня – и я буду отвечать. Мне надо говорить тотчас после этих слов: «Мой прекраснейший Пирам!» Эй! Го-го! Питер Пигва! Флейта – мастер раздувальных мехов! Рыло – медник! Выдра! Господи помилуй! Они все улизнули и оставили меня спящим. Я видел престранный сон. Мне снилось... не хватит человеческого ума, чтоб рассказать, какой это был сон. Осел тот человек,

который попробует объяснить этот сон. Мне казалось, что я был... Никто на свете не может сказать, что мне казалось! Мне казалось, что я был... мне казалось, что у меня была... но был бы пестрым шутом тот человек, который бы осмелился сказать, что мне казалось! Глаз человеческий не слышал, ухо человеческое не видало, рука человеческая неспособна схватить, язык человеческий неспособен понять, а сердце человеческое неспособно выразить, что такое был мой сон! Я попрошу Питера Пигву написать балладу на этот сон. Эту балладу назовут «Сном Основы», потому что в этом сне нет никакой основы. Я пропою эту балладу перед герцогом, в самом конце пьесы. Может быть, чтобы придать ей более приятности, я пропою ее сразу после смерти Тисбы.

Уходит.

Сцена 2

Афины. Комната в доме Пигвы. Входят Пигва, Флейта, Рыло и Выдра.

Пигва

Послали ли в дом Основы? Вернулся ли он домой?

Выдра

О нем нет и слуху. Без сомненья, его унесла нечистая сила.

Флейта

Если он не воротится, то наша пьеса пропала. Без него она не может идти – не правда ли?

Пигва

Невозможно! Кроме него не найдется во всех

Афинах человека, который был бы способен исполнить роль Пирама.

Флейта

Скажу прямо: это самый умный человек из всех афинских мастеровых.

Пигва

Да, и вместе с тем самый красивый мужчина. Он истинный любовник, по приятности своего голоса.

Флейта

Скажите лучше: истинный образец совершенства. А то: любовник! Вот, подумаешь, невидаль!

Входит Бурав.

Бурав

Друзья, герцог возвращается из храма: там же обвенчались еще две-три знатные парочки. Если пьеса

пойдет, то наша судьба обеспечена.

Флейта

О, мой милый. Не видать тебе теперь шести пенсов в день. А ведь ты бы их получал! Повесьте меня, если бы герцог не назначил ему по шести пенсов в день за исполнение роли Пирама, – и то было бы вполне заслуженно. Шесть пенсов в день за Пирама или ничего!

Входит Основа.

Основа

Где они, мои голубчики? Где они, мои милые?

Пигва

Основа! О прекраснейший день! О счастливейший час!

Основа

Друзья, я могу рассказать вам чудеса, но не спрашивайте у меня какие, потому что если я вам

расскажу, то я не буду истинный афинянин. Я расскажу вам все точь-в-точь, как случилось.

Пигва

Говори, говори, любезный Основа.

Основа

Ни слова обо мне. Все, что я скажу вам теперь, это то, что герцог кончил обедать. Надевайте ваши костюмы, прикрепляйте крепкие шнурки к бородам и новые ленты к башмакам. А затем отправляйтесь во дворец. Пусть всякий хорошенько затвердит свою роль, ибо – коротко и ясно – наша пьеса будет представлена. Пусть Тисба на всякий случай наденет чистое белье; да смотрите, чтобы тот, кто будет играть льва, не вздумал остричь себе ногти: он должен выставить их напоказ как львиные когти! Да еще, разлюбезные мои актеры, не наештесь луку или чесноку, потому что дыхание ваше должно быть приятно. Я не сомневаюсь, что нас похвалят за нашу комедию. Довольно разговоров. Отправляйтесь. Марш!

Все уходят.

АКТ V

Сцена 1

Афины. Комната во дворце Тезея.

Входят Тезей, Ипполита, Филострат, придворные и свита.

Ипполита

Как странны, о Тезей, рассказы их!

Тезей

Да, странностей в рассказах этих больше,
Чем истины. Но не поверю я
Волшебным глупостям и старым басням.
Влюбленные, равно как и безумцы,
Имеют все такой кипучий мозг,
Столь пылкую фантазию, что часто
Им кажется за истину такое,
Чего никак смысл здравый не поймет.

Безумный, и влюбленный, и поэт
Составлены все из воображенья.
Один – и это сумасшедший – видит
Вокруг себя такую тьму чертей,
Что не вместил бы их и ад обширный.
А кто влюблен – такой же сумасшедший:
Он на челе цыганки смуглой зрит
Елены красоту. Поэта взор,
Пылающий безумием чудесным,
То на землю, блистая, упадет,
То от земли стремится к небесам.
Потом, пока его воображенья
Безвестные предметы облакает
В одежду форм, поэт своим пером
Торжественно их все осуществляет
И своему воздушному ничто
Жилище он и место назначает.
Да, сильное воображенья часто
Проказит так, что ежели оно
Помыслит лишь о радости – тотчас же
Перед собой оно как будто видит
И вестника той радости, – а ночью
Оно в себе рождает ложный страх
И куст легко медведем почитает.

Ипполита

Однако в их рассказах обо всем,
Что в эту ночь случилось, в превращенье
Их умственных способностей и чувств,
Есть не одна игра воображенья.
Хоть это все достойно удивленья,
Но к истине подходит очень близко.

Входят Лизандер, Дементрий, Гермия и Елена.

Тезей

А, вот идут влюбленные! Полны
Веселия и радости они!
Мои друзья, пускай любовь и радость
Сопутствуют вам в жизни.

Лизандер

Государь!
Пусть более, чем нам, утечи, радость

Сопутствуют вам в царственных прогулках,
И за столом, и в светлых сновиденьях!

Тезей

Посмотрим-ка, какие развлечения
И пляски нам предложит Филострат,
Чтобы убить трехчасовую вечность
Меж ужином и часом сна ночного?
Но где же он, наш устроитель празднеств?
Что в этот день нам приготовил он?
Комедией какой-нибудь нельзя ли
Тоску часов тяжелых облегчить?
Где Филострат?

Филострат

Я здесь, Тезей могучий!

Тезей

Скажи, какие же увеселенья
Ты нынче вечером предложишь нам:
Комедию иль музыку какую?
Как обмануть ленивые часы,
Когда у нас не будет развлечений?

Филострат

Вот список приготовленных забав,
Что будет, государь, тебе угодно
Из них избрать? С чего велишь начать?
(*Подает бумагу.*)

Тезей (*читает*)

«Сражение кентавров. Будет петь
Афинский евнух и играть на арфе».
Не нужно. Я рассказывал об этом
Моей жене, во славу Геркулеса.
«Как пьяные вакханки растерзали
В час бешенства фракийского певца».
Старо – и я уж это слышал раз,
Когда из Фив с победой возвратился.
«Скорбь трижды трех прекрасных муз о смерти,

Постигнувшей науку в нищете».
Презлая тут и тонкая сатира:
На брачном торжестве ей места нет!
«Тягучая, краткая сцена Пирама,
Истинно траги-веселая драма».
Траги-веселая, тягучая притом,
И краткая! Да это лед горячий
И черный снег! Ну, как согласовать
Все эти несогласья?

Филострат

Государь,
Во всей пиесе этой, может быть,
Каких-нибудь слов десять. Я не знаю
Другой пиесы столь короткой, – но,
Мой государь, и эти десять слов
В ней лишние. Вот отчего она
Тягучая, хоть краткая пиеса.
В ней слова нет на месте; нет актера,
Хоть крошечку способного. Она
Трагической пиесой названа
Лишь потому, что в ней лишает жизни
Себя Пирам; но, признаюсь, когда
Я видел репетицию пиесы,
Глаза мои слезами наполнялись,

И громкий смех едва ли заставлял
Когда-нибудь лить слезы веселее.

Тезей

А кто ж актеры в ней?

Филострат

Мастеровые,
Которые мозольными руками
Работают в Афинах. В первый раз
Сегодня ум их в действии: они
Неопытную память нагрузили
В день вашего супружества пиесой.

Тезей

И мы ее услышим!

Филострат

Государь!

Поверьте мне, она вас недостойна.

Я слышал всю пиесу до конца:

Пустейшая, ничтожнейшая пьеса!

Но, может быть, приятно будет вам

Намеренье ценой усилий тяжких

Вам услужить.

Тезей

Пиесу мы услышим:

Я никогда не оттолкну услуг,

Предложенных и ревностно, и просто.

Поди, зови сюда скорей актеров,

А дам прошу садиться по местам.

Филострат уходит.

Ипполита

Я не люблю смотреть, что слишком дурно,
И видеть, как усердьё погибает
В усилиях напрасных.

Тезей

Милый друг,
Ты этого, поверь мне, не увидишь.

Ипполита

Он говорит, что ничего они
Представить нам порядочно не могут.

Тезей

Тем будем мы любезнее с тобой,
Благодаря их даже за дурное.
Ошибки их забавой будут нам.
Коль бедное старание бессильно,
То чистое усердьё искупает

Невольный неуспех. Случалось часто,
Когда я путешествовал, меня
Мужи ученые приветствовать хотели
Готовыми речами. Иногда
Они бледнеть и трястись начинали,
Мешались среди начатой фразы.
Немел от страха опытный язык –
И, наконец, они вдруг умолкали.
Приветствие свое не досказав.
Но, милая, поверишь ли, что в их
Молчании приветствие я видел,
И в скромности пугливого усердья
Я более, поверь мне, находил,
Чем в языке болтливом смельчака
И в дерзком красноречье. Признаюсь,
Что, по моим понятиям, любовь,
При языке простом чистосердечья,
Всегда сильнее сердцу говорит.

Входит Филострат.

Филострат

Когда угодно будет, государь –
Пролог готов.

Тезей

Пускай его войдет.

Звуки труб. Входит Пигва-Пролог.

Пролог

«Коль не удастся нам пиеса, мы желали,
Чтоб знали вы, что мы не с тем пришли сюда,
Чтоб нам не удалось – мы вот чего искали:
Вам предложить свои услуги, господа;
Вот нашего конца вернейшее начало.
Вам угодить вполне, не зная ничего,
Не смели думать мы; одно нас здесь собрало,
Вас позабавить всех, мы здесь не для того,
Чтоб вы раскаялись, готовы мы стараться,
Из представления ж легко вам увидеть,
В чем будет именно пиеса заключаться
И что вы будете, конечно, скоро знать!»

Тезей

Ну, этот молодец не слишком силен в знаках препинания!

Лизандер

Чтобы прочесть пролог, он пустил свой язык, как бешеного жеребенка, который не знает препятствий. Однако же тут есть нравоучение, государь: недостаточно говорить, – надо говорить с толком.

Ипполита

В самом деле, он проговорил свой пролог как ребенок, играющий на флажолете: звуки есть, но без всякой гармонии.

Тезей

Его речь была похожа на запутанную цепь: ни одного кольца не потеряно, но все они в беспорядке. Что это еще?

Входят Пирам, Тисба, Стена, Луна и Лев.

Пролог

«Что видите вы здесь, быть может, вас дивит,
Достойны зрители! Дивитесь себе,
Пока вам истина всего не объяснит.
Сия красавица есть госпожа Тисбэ,
Сей человек – Пирам, коль вам угодно знать,
А сей, с известкою, здесь стену представляет,
Ту стену страшную, которая страдать
Любовников моих в разлуке заставляет.
По милости ее, бедняжечки с трудом,
Лишь шепотом, сквозь щель, беседуют порою.
Вот этот с фонарем, с собакой и с кустом,
Представит лунный свет. Я вам теперь открою,
Что Тисба и Пирам у Ниновой могилы
Решились сойтись, когда взойдет луна,
Чтоб высказать – насколько они друг другу милы.
Но только лишь Тисба пришла туда одна,
Как сей ужасный зверь – львом Бог его назвал –
Спугнул прекрасную иль просто испугал.
И вот, когда она в испуге убегала,
Накидочка с ее лилейных плеч упала.
Тогда презренный зверь накидочку схватил
И мордою своей кровавой обагрил.
Потом пришел Пирам, прекрасный и высокий,

Накидочку Тисбы погибшей он нашел,
И дерзким острием он, в горести жестокой,
Кипящу грудь свою, рыдая, проколол.
Затем опять Тисба на сцену прибегает
И, выхватив кинжал, себя им поражает.
А остальное все в подробном разговоре
Расскажут вам сей лев и светлая луна,
Чета любовников, и страшная стена,
При вашем собственном и благосклонном взоре!»

Пролог, Пирам, Лев и Луна уходят.

Тезей

Уж не будет ли и лев говорить?

Деметрий

В этом не будет ничего мудреного. Отчего же не быть одному говорящему льву, когда есть так много говорящих ослов?

Стена

«В сей интермедии случилось, что я,
Я, Рыло прозвищем, разыгрываю стену.
Но знайте, господа, стена такая я,
Что есть во мне дыра иль щель дыре в замену,
Дабы любовники, Пирам наш и Тисбэ,
Могли сквозь эту щель, благодаря судьбе,
Частенько, хоть тайком, шептаться меж собою.
А этот камешек с известкой распускную
Доказывает вам, что точно я стена.
Сомненья в этом нет! А вот и щель видна.
Немножко в бок она, но сквозь нее, о диво,
Любовники не раз шептались боязливо».

Тезей

Можно ли требовать, чтобы известь и штукатурка
говорили лучше этого?

Деметрий

Государь, эта самая умная стена, которую я когда-

либо слышал говорящую.

Входит Пирам.

Тезей

Пирам приближается к стене. Молчите!

Пирам

«О ночь ужасная! о черная, о ночь!
О ночь, которая везде, где нету дня!
Увы, увы, увы! О ночь, о ночь!
Боюсь я, что Тисба забыла про меня.
А ты, а ты, стена, о милая стена!
Между моею и землей ее отца
Стоящая стена, о милая стена!
Приветна будь, стена, Пираму до конца
И покажи мне щель, дабы я сквозь нее
Мог увидеть, хоть вскользь, сокровище мое.

Стена подымает руку с растопыренными пальцами.

Благодарю тебя, о добрая стена!
Да сохранит тебя Зевес от поврежденья!

Но что я вижу? О, Тисба мне не видна!
Ты, злобная стена, лишаешь наслажденья.
Да будут прокляты все камешки твои
За то, что рушила надежды ты мои!»

Тезей

Мне кажется, что стена, если она способна чувствовать, должна бы ответить ему такими же проклятиями.

Пирам

Нет, государь, поистине она не должна этого делать.
«Надежды ты мои!» После этих слов начинается роль Тисбы. Теперь она входит – и я замечаю ее сквозь эту стену. Вы увидите, что все будет точь-в-точь, как я говорю. Вот она приближается.

Входит Тисба.

Тисба

«Как часто ты, стена, слезам моим внимала
О том, что разлучен со мною мой Пирам!

Губами алыми как часто целовала
Я камешки твои с известкой по краям!»

Пирам

«О, вижу голос я! Я к щелке приложуся:
Услышу, может быть, Тисбы моей черты.
Тисба!»

Тисба

«О милый мой! ты милый, – я клянуся!
Я думаю, что так?»

Пирам

«Что хочешь, думай ты.
Любовию твоей я избран – и измена
Мне неизвестна, как Лимандру, о Тисба!»

Тисба

«А я тебе верна до гроба, как Елена!»

Пирам

«Верней ли Прокрусе бывал Шафал, Тисба?»

Тисба

«Как Прокрусе Шафал, так я верна тебе!»

Пирам

«Поцеловать меня сквозь стену потрудися».

Тисба

«Я не уста твои целую, а дыру!»

Пирам

«Ну, хочешь ли идти со мной на холм Ниниса?»

Тисба

«Сейчас туда иду, иль пусть скорей умру!»

Пирам и Тисба уходят.

Стена

«Узнайте: я, стена, исполнила долг свой,
А потому стена идет теперь домой».

Уходит.

Тезей

Теперь стена, разделявшая двух соседей, уничтожена.

Деметрий

Что ж иначе делать, государь, с такими стенами, которые так дерзки, что слушают, не предостерегая?

Ипполита

Вот самый глупый набор слов, который я когда-либо слышала!

Тезей

Лучшие зрелища этого рода не более, как тени, и худшие не будут хуже, если им поможет воображение.

Ипполита

Так для этого нужно ваше воображение, а не их.

Тезей

Если мы не вообразим о них ничего хуже того, что они воображают сами о себе, то они могут показаться отличными актерами. Вот идут сюда два благородных зверя: луна и лев.

Входят Лев и Луна.

Лев

«Сударыни, в коих все чувства столько тонки,
Что их тревожат и ничтожные мышонки,
Вы, может быть, теперь здесь все б затрепетали,
Когда бы точно льва рев дикий услышали;
Но знайте: я не лев, не львица по натуре –
Нет, я Бурав, столяр, и лев по львиной шкуре;
Но если б я был лев и вдруг пришел сюда,
Тогда, действительно, была бы вам беда!»

Тезей

Вот премилое и пресовестливое животное!

Деметрий

Самое доброе животное, государь, которое я когда-либо видел.

Лизандер

Этот лев – настоящая лисица по своему мужеству.

Тезей

Правда – и настоящий гусь по своему благоразумию.

Деметрий

Не совсем так, государь, так как его мужество не

может победить его благоразумие, а лисица побеждает гуся.

Тезей

Впрочем, я уверен, что и его благоразумие не может победить его мужество, как гусь не может победить лисицу. Но довольно: оставим его с его благоразумием и послушанием. Что скажет нам луна?

Луна

«Двурогую луну фонарь сей представляет...»

Деметрий

Ему бы следовало иметь рога на лбу.

Тезей

Да ведь это не новая луна, и рога исчезли в полнолуние.

Луна

«Двурогую луну фонарь сей представляет;
А я тот человек, в луне что обитает!»

Тезей

Вот в чем главная ошибка: человек должен был
влезть в фонарь; иначе как же он может представлять
человека на луне?

Деметрий

Он не решился влезть туда из-за свечки: видите, как
она нагорела!

Ипполита

Мне наскучила эта луна; я бы хотела, чтобы
наступило новолуние.

Тезей

Судя по умственной слабости этой луны, кажется, что она на ущербе; но учтивость и справедливость требуют, чтобы мы дождались, пока она совершит свое течение.

Лизандер

Продолжай, луна!

Луна

Все, что я имею сказать, состоит в том, что этот фонарь есть луна, а я – человек на луне; что этот терновый куст – мой терновый куст, а эта собака – моя собака.

Деметрий

По-настоящему все это должно быть в фонаре, потому что все это находится на луне. Но тише! Вот идет Тисба.

Входит Тисба.

Тисба

«А, вот могила старого Ниниса!
Но где же мой возлюбленный?»

Лев

«О-о!!»

Лев рычит, а Тисба убегает и роняет накидку.

Дементрий

Славно рычишь, лев!

Тезей

Славно бегаешь, Тисба!

Ипполита

Славно светишь, луна! Право, луна светит с необыкновенною ловкостью.

Лев разрывает накидку и убегает.

Тезей

Славно сцапал, лев!

Деметрий

Теперь приходит Пирам.

Лизандер

А лев, конечно, исчезает.

Входит Пирам.

Пирам

«Благодарю тебя, о милая луна,
За то, что нынче ты блестяща и ясна!
Когда ты будешь мне отраднo так блеснуть,
Я Тисбу милую надеюсь лицезреть!
Но, стой! О вид ужасный!
Посмотрим! О несчастный!
Какое зрелище ужасно вижу я!
Глаза мои, смотрите!
Возможно ли – скажите?
О Тисба милая, о душенька моя!
Накидочка бесценна,
Здесь кровью обогрeнна.
Жестоки фурии, приблизьтесь поскорей!
О Парки, приходите
И жизнь мою прервите!
Убейте, задушите,
Избавьте вы меня от тяжелой жизни сей!»

Тезей

Это отчаяние и смерть милого друга могут почти нагнать
печаль.

Ишполита

Клянусь моим сердцем, мне жаль этого человека!

Пирам

«Природа, для чего ты львов произвела?
Лев страшный Тисбу умертвил мою во цвете.
Она есть лучшая... Нет, нет: она была
Из женщин лучшая, которая на свете
Когда-либо жила, любила и цвела!
Теките, слезы жгучи!
Вот он – мой меч могучий!
Тебя я в грудь вонзаю
И прямо в левый бок,
Где сердце – ток-ток-ток.
Вот так я умираю!
(Поражает себя мечом.)
Теперь я бездыхан
И в небесах витаю!
Язык – покой узнай!

Ты ж, месяц, улетай!
Здесь кости я свои бросаю
Ах, ах! Я умираю!»

Пирам умирает. Луна уходит.

Дементрий

Не кости, а только очко, потому что он один.

Лизандер

Какое он очко? Он умер, следовательно, он ничто.

Тезей

Однако с помощью медика он может выздороветь и
сделаться опять ослом.

Ипполита

Отчего же лунный свет исчез, прежде чем Тисба
возвратилась и отыскивала своего возлюбленного?

Тезей

Она отыщет его при свете звезд. Вот она идет, и ее отчаянием закончится пьеса.

Входит Тисба.

Ипполита

Кажется, что по таком Пираме ее отчаяние не будет продолжительным. Я надеюсь, что она скоро кончит.

Деметрий

Разница между ними в один атом, – так трудно решить, кто из них лучше: Пирам или Тисба?

Лизандер

Вот она уже заметила его своими прекрасными глазками.

Деметрий

И начинает его оплакивать нижеследующим образом.

Тисба

«Ты здесь уснул, мой дорогой!
Как? Умер ты, голубчик мой?
Пирам, о, встань, заговори!
Но ты молчишь – ты умер? Да!
Ужель могила навсегда
Должна закрыть глаза твои?
Уста лилейны, алый нос –
Исчезло все, все рок унес!
Любовники, стенайте!
Ланиты, буквицы желтей,
У смерти вопрошайте.
Вы, три сестры, издалека,
С руками цвета молока,
Ко мне скорей придите!
Вы взяли мой предмет любви –
Теперь скорей в моей крови
Вы руки окуните!
Приди скорей, мой верный меч,

И в грудь вонзись, чтоб жизнь пресечь,
А ты, язык, – ни слова.
Прощайте, все мои друзья!
Так умираю верной я!
Прощайте – я готова!»
(*Поражает себя мечом и умирает.*)

Тезей

Луна и лев остались в живых, чтоб похоронить мертвых.

Деметрий

Да, и стена тоже.

Основа

Извините, могу вас уверить, что стены, которая разделяла их отцов, больше не существует. Не угодно ли вам посмотреть эпилог или послушать бергамский танец, исполненный двумя актерами из нашей компании?

Тезей

О нет, не надо эпилога. Для вашей пьесы совершенно не нужны извинения. Вас нечего извинять: все актеры умерли, а следовательно, бранить некого. Если бы тот, кто сочинил эту пьесу, играл Пирама и повесился на подвязке Тисбы, то из этой пьесы вышла бы превосходная трагедия. Но ваша пьеса все-таки хороша и прекрасно исполнена. Теперь станцуйте ваш бергамский танец, а эпилога не надо.

Два клоуна исполняют танец.

Тезей

Двенадцать раз полуночи язык
Уж прозвенел. Любовники, в постели!
Теперь настал волшебный духов час.
Похитим мы у утра те часы,
Которые мы подарили ночи.
Нелепая пиеса превосходно
Ускорила шаги тяжелой ночи.
Теперь, друзья, на отдых! Две недели
Мы проведем в различных празднествах,
В забавах и ночных увеселеньях.

Все уходят.

Сцена 2

Там же. Входит Пэк с метлой.

Пэк

Теперь голодный лев рычит,
И волк на месяц воет.
Усталый пахарь крепко спит:
Ночь всех их успокоит.
Теперь огонь в печах погас.
Совы зловещей крики
Напоминают смерти час
Страдальцу-горемыке.
Теперь настала уж пора
Могилам разверзаться
И средь церковного двора
Покойникам являться.
Но эльфам весело – и мы,
Гекату окружая,
Скользим, как сон, за духом тьмы,
От солнца убегая.
Итак, пустьмышь здесь не скребет!
А дом – не знай потери!
С метлою послан я вперед,
Чтоб выместь сор за двери!

Входят Оберон, Титания и их свита.

Оберон

Вы по дому разбегитесь,
И, при трепетных огнях,
Эльфы, дружно веселитесь,
Словно птички на кустах!
Пойте песнь мою за мною
И пляшите все толпою!

Титания

Ноту в ноту, слово в слово,
Эту песнь пропойте снова!
Взявшись за руки, пойдём
Осчастливить этот дом!

Песни и пляски эльфов.

Оберон

Рассыпьте, эльфы, до утра
В покоях полумрачных.
А нам теперь идти пора
К постели новобрачных.
Вселим мы разом в три четы
Любовь без измененья –
И будут полны красоты
Всегда их поколенья.
Природа, щедрая в дарах,
Детей их не оставит:
От пятен, трещин на губах
Она их всех избавит,
И знакам, вестникам дурным,
Забытым при рожденье,
Потом же пагубным иным,
Не быть в их поколенья.
Теперь росую полевой
Покои окропите
И мир и счастье в дом людской
Навеки водворите!
О эльфы, радостной толпой
Умыться торопитесь.
Но утром будьте все со мной,
С рассветом воротитесь.

Оберон, Титания и их свита уходят в разные двери.

Пэк (к зрителям)

Когда не угодили вам мы, тени,
То я прошу – исправится беда –
Предположить, что в мире сновидений
Вы были здесь уснувши, господа;
Что слабое, пустое представленье
Есть легкий сон – не более того;
Не будьте же вы строгими в сужденье,
Простите нас – мы просим одного.
Исправиться мы, право, не забудем.
Как честный Пэк, я клясться вам готов,
Что ежели мы счастливы так будем
И избежим мы брани и свистков,
То вы от нас вознагражденья ждите,
Не то лгуном вы Пэка назовите.
Ночь добрую желаю всем – один,
А вы меня хлопками наградите,
И – верьте мне – исправится Робин!

Уходит.